

ЕКАТЕРИНА БЕЛЕЦКАЯ

ПРОЕКТ «ИСКАЖЕНИЯ»

Дружество
БУМАЖНОГО
САМОЛЁТИКА

Искажения

Екатерина Белецкая

Братство бумажного самолётика

«Автор»

2022

Белецкая Е. В.

Братство бумажного самолётика / Е. В. Белецкая — «Автор»,
2022 — (Искажения)

Это история о свободе и выборе. Или нет, не так. Прежде всего, это история о мальчишках, которые, вопреки всему, сумели сделать выбор, не смотря на то, что никакого выбора у них не могло быть. Трудно что-то предпринять, если живешь в детдоме... или на Сфере, ведь ни там, ни там речи не может идти ни о свободе, ни о выборе, ни о попытках хотя бы выйти за поставленные рамки. Выбор ждёт впереди, но предполагаемая инициация на самом деле не выбор, а единственный выход из казалось бы безвыходного положения. Вот только даже самая распрекрасная интеллекронная система класса Адонай, способная создать подобную ловушку-модель, не может предусмотреть всего – например, бумажные самолетики. Или сочувствие, которое невольные палачи испытывают к своим жертвам. Или еще что-то бесконечно важное, недоступное интеллекронным системам.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Екатерина Белецкая

Братство бумажного самолётника

© Екатерина Белецкая, 2022

Глава 1

Братья Фламма. Правила игры в крысу

– Ян, скорей, – Пол стоял у двери, и, придерживая её рукой, то и дело выглядывал в коридор. – Ну? Ты где?

– Сейчас... – винтик всё никак не поддавался, медная чашечка колокольчика прокручивалась, влажные от напряжения и волнения пальцы то и дело срывались, но Ян не сдавался, он продолжал упрямо крутить винт, прижимая скругленную шляпку что было сил. – погоди, минуточку ещё.

– Док сейчас придёт, какая минута! – шепотом заорал Пол. – Давай быстро!

Винт, о чудо, наконец-то поддался, гайка провернулась, и Ян в несколько секунд согнал её, наконец, вниз, с винта. Подхватил медную чашечку, сунул в карман. Воровато оглянувшись, заметил на краю обшарпанной столешницы початую пачку доковских сигарет, секунду помедлил, и сунул пачку туда же, куда только что спрятал чашечку. На цыпочках подошел к Полу, встал рядом.

– Пошли, – велел Пол. – Вроде нет никого.

Никого и не было, Ян и сам это отлично слышал, но он всё равно нервничал, потому что это сейчас никого, а через несколько секунд в коридоре запросто мог кто-то появиться. Услышать-то они, конечно, услышат, но толку от этого – кабинет дока располагался в тупике, незаметно смяться не получится. Они вышли, Ян аккуратно, беззвучно прикрыл дверь, и братья неспешным шагом направились в сторону выхода, к повороту коридора.

– Дай мне, – приказал Пол.

– Чего это? – нахмурился Ян.

– У тебя карман дырявый, дай, – настойчиво повторил Пол.

– Ай, да, точно, – Ян замедлил шаг, вытащил из кармана медную чашечку и початую пачку, Пол, секунду помедлив, сунул добычу в карман штанов.

– Почти полная, – с тихой радостью сказал он. – Слуш, давай им не всё?

– Шесть штук отдадим, – согласился Ян. – Скажем, док сам скурил. Он смолит постоянно, чего они, считали, что ли?

– Точно, – кивнул Пол. – На кого док подумает, интересно?

– У кого пачка будет, на того и подумает, – пожал плечами Ян. – Понял?

– Понял, – ухмыльнулся Пол. – Жалко, что «Памир», вонючие такие...

– Не было «Герцеговины», – вздохнул Ян. – С собой, небось, унёс.

– Ну а то, – согласился Пол. – Хитрый он, док. Может, специально «Памир» оставил?

– Может, – Ян вздохнул. – Пошли этих найдем? Отдать надо, а то они опять...

– Пошли, найдём, – кивнул Ян. – Они у завода, небось. Чем быстрее отвяжемся, тем лучше.

* * *

Братьев Фламма в детдоме имени К.П.Маслова не жаловали с первого же дня их появления в этом детдоме девять лет назад. Братья выглядели в сравнении с другими пацанами хилыми, впрочем, слово для них нашлось быстро, и слово это было отнюдь не хилак – привычное, крепенькое словцо, которое начиналось на «за..», а заканчивалось на «...оты». Хотя, конечно, и хилыми их и называли, и считали. Причем хилыми не того хитрого вывернутого толка, который в среде детдомовцев еще как ценится, а простодушными хилыми, не сильными, не крепкими, неумелыми. Просто двое тощих мальчишек, семи и восьми лет соответ-

ственно (братья были погодками), которых еще и записали обоих восьмилетними, тем сравнивая их невеликий возраст. Ян, который был старшим, от Пола, который был младшим, внешне почти не отличался, разве что цветом волос и глаз, да и в росте они к десяти годам сравнялись. Впрочем, не только внешность была причиной того, что братьев чморили все, кто только был в состоянии это сделать. У братьев имелась фамилия – не фамилия, а чистая провокация. Фламма, подумать только! И – имена. Януш и Пол. Среди Пашек Комаровых, Горек Сивых, Лёшек Черновых, и прочих Поликарпов со Матвеями и Тихонами быть Яном и Полом, да еще и Фламма – это то же самое, что быть куском мяса на веревке, закинутым в стаю голодных акул, которые сожрут, и не поморщатся. И действительно, никто не морщился. Братьям доставалось за всё, в первую очередь – просто за факт существования. Впрочем, справедливо будет заметить, что доставалось не только им, тот же Пашка Авдеев, не смотря на правильность своего имени, страдал порой ничуть не меньше, а временами и больше, потому что Пашка был из рода предателей, а братья Фламма – всего лишь из погорельцев. Что с ними было до Масловки, они толком не помнили. Так, куски какие-то. Вроде был то ли деревенский, то ли городской дом, частный, деревянный, в котором они жили всей семьёй. И мама с папой были. И бабушка тоже была. И куры во дворе. Рыжие, яркие, как солнечные всполохи, куры. И кошка, белая, с серыми пятнами. А потом случилось что-то настолько страшное, что братья и не запомнили, что именно. Больницу они помнили, в которой им лечили ожоги, впрочем, не очень-то и сильные. Интернат пермский, в который они попали на полгода после больницы, тоже помнили, скудно там было совсем, в этом интернате, голодно, и приехали оттуда братья в детдом Маслова вшивыми и грязными, но, на удивление, почти что здоровыми. Да, осталось у каждого на память о прошлой жизни по паре ожогов, но не более. У Яна обгорело левое плечо, у Пола огонь оставил след на правой голени. В сопровождающих документах было указано, что братья Фламма пережили пожар, потому что успели спрятаться в подвале, чудом не задохнулись, и упала на них горящая балка, оттуда и отметины. Ни про семью, ни о происхождении не было в деле ни слова, однако братья хотя бы были не «политические», только по этой причине их трепали поменьше. Но фамилия... Не было во всём Морознове второй такой фамилии, ни в поселке, ни на выселках, ни в детдоме, ни в лесхозе, ни на комбинате, ни бараках, да и вообще нигде. Не было, да и быть не могло.

Морозново, в прошлом закрытый, как про него говорили, «секретный» посёлок, точнее, небольшой городок, пребывало в полнейшем запустении, и запустение это началось вскоре после безвременной кончины двух образующих всю его структуру предприятий. Сперва, по словам обкомовских деятелей, из-за происков врагов пришлось «порешить» аэродром, потом, тоже не иначе как из-за происков, накрылся медным тазом завод, производивший когда-то что-то большое и железное, но что – не помнили, или старательно не хотели помнить, даже старожилы Морознова. Словом, ныне Морозново пребывало в полнейшем упадке, и, кабы не лесхоз с комбинатом, давно бы разделило судьбу соседней Хованки, которая уже лет десять как практически полностью опустела. Лесхоз был большой, равно как и комбинат, размеры которого поражали воображение. Комбинат производил древесно-стружечные плиты, и работы там хватало всем без исключения – собственно, исключаться куда-то в Морознове было в принципе невозможно. То есть некуда. Судьба тех же детдомовцев, к примеру, была предрешена изначально: либо комбинат, либо лесхоз, причем комбинат, конечно, предпочтительней, потому что и столовая есть своя, и комнату в бараке-общежитии какую-никакую дадут, особенно семейным, и даже ателье и поликлиника при комбинате имелись, в отличие от лесхоза. Тот, разумеется, тоже не бедствовал (то есть на самом деле бедствовали все, но не так, чтобы совсем уже отчаянно), но поликлиникой его сотрудники пользовались обычной, да и еду горячую в лес возили отнюдь не каждый день. Словом, сотрудники лесхоза крутились, как могли, при этом утверждая, что так даже лучше, чем на комбинате эпоксидку нюхать, комбинатские же смотрели на лесхозовских свысока, явно считая себя белой костью в отличие от быдла. Это

была война, тихая, давняя, застарелая, но никогда не приедающаяся; совершенно абсурдная война, ведь оба предприятия существовать могли только совместно.

Центр Морознова помнил о лучших временах. На улице Раздольной, главной, широкой, и местами даже асфальтированной, имелись дома отнюдь не барачного типа – бывшие купеческие двухэтажки, флигельки, красного кирпича, столетней давности дэкашник, с облупившимися колоннами, в котором крутили кино и устраивали иногда танцы; несколько чудом выживших магазинов, аптека, промтоварный, в котором, кажется, кроме воротных петель да сто двадцатых гвоздей отродясь ничего не было, и рынок, который, впрочем, работал только в выходные. Сгонять на Раздольную в среде детдомовцев считалось особым шиком, а уж если купить мороженого, или, в торговый день, кулёк семечек... впрочем, про мороженое и семечки обычно было либо враньё, либо и вовсе сказки, потому что откуда детдомовским было взять хоть копейку на мороженое и семечки.

Неподалеку от посёлка находились развалины, вдохновлявшие на подвиги не одно поколение мальчишек – главным объектом был, конечно, завод, от которого осталось немало, от полупустых цехов, до энергетических щитов, в которых, по слухам, по сей день водилось электричество. Полазать по заводу – это было престижно. Да еще можно гаек набрать на грузила, к примеру. Поэтому на завод, в отличие от аэродрома, ходили охотно и много, невзирая на запреты и угрозы.

А вот аэродром растащили подчистую, всё, что на нём имелось – это чудом сохранившаяся вышка, стены ангаров, лишённые даже крыш, и огромное, постепенно прорастающее травой бетонное поле, в самом центре которого находился почти полностью лишённый обшивки остов самолёта. То есть обшивка сохранилась на кабине, да местами над участком, где когда-то был салон, крылья жители Морознова давно ободрали полностью, потому что им надо было «железки поплощее». Всерьёз аэродром интересовал, пожалуй, только братьев Фламма, прочие же считали его местом никчёмным, и были, пожалуй, правы. Что там делать, в этом чистом поле, продуваемом всеми ветрами, в котором от дождя можно укрыться только под вышкой, да и то с риском получить по голове какой-нибудь железкой? Дурное место, да и никчёмное. Никудышное.

* * *

Комаров, Зотов, и Ковригин нашлись там, где и ожидали их найти Ян с Полом – за главным корпусом завода, на своем «коронном месте». Коронное место располагалось за одним из цехов, в укромном закутке, и обладало сразу несколькими преимуществами. Во-первых, оно находилось под крышей, потому что в закутке был дебаркадер для выгрузки машин, и имелся неплохо сохранившийся навес. Во-вторых, удрать, если что, можно было сразу в двух направлениях. В цех, по лестнице вверх (страшновато, потому что лестница сильно проржавела), и вниз, в люк (еще страшнее, но если сравнить с тем, что устроят взрослые, если поймают – не так уж и страшно). Место гоп-компания себе устроила роскошное, с размахом: из конторки приволокли диваны и кресла, причем даже мягкие, обтянутые расплзающимся дерматином, ящики, заменяющие столы, и даже для чего сейф с сорванной дверцей, которую, впрочем, ушлый Комар приставлял на место.

– О, крыса ползёт, – Коврига, увидев братьев, приподнялся с дивана, и ухмыльнулся.

– Какая? – спросил Комар. Он вставать не спешил, сидел в своём любимом кресле, и курил, пуская в воздух сизые дымные кольца.

– Двухголовая, – отрапортовал Коврига. – Вшивая.

– Сам ты вшивый, – сердито ответил Пол.

– А рыжих не спрашивали, – отрезал Коврига. – Вообще молчи, у тебя души нет, чего с тобой говорить.

– Есть у меня душа, – Пол нахмурился.

– Рот закрой, – мирно посоветовал Комар. – Яшка, давай, чего накрасили.

– Меня зовут Ян, – в который раз уже сказал Ян. Имя «Яшка» бесило его несказанно, Комар про это, конечно, знал, и сейчас давил на больное специально.

– Куян, – передразнил Комар. – Давай, сказал, чего принесли.

Из карманов братьев на импровизированный стол из ящика перекочевали следующие предметы: два коробка спичек, оба початые, шесть сигарет в пачке, которую зацепили в кабинете доктора, кусок синтетической бечевки (баб Зина оборется, веревка-то была для белья), открытка с изображением пышнотелой актрисы Грибановой (увидев открытку, Коврига с удовольствием причмокнул), и слипшиеся в комок сахарные помадки, которые Пол стащил у математички из ящика рабочего стола. Помадки были, к сожалению, так себе – все в какой-то крошке, дряни, посеревшие, и выглядели совершенно непрезентабельно.

– И это всё? – с возмущением спросил Комар.

– Ну... да, – вздохнул Ян. – Что смогли.

– Плохо стараетесь, – менторским тоном произнес до этого молчавший Зот. Он сейчас явно пародировал голос учителя русского языка, обладавшего мерзким характером и густым елейным баритоном. – Надо работать, мальчики. Прилагать усилия. Вот вы, братья Фламма, приложили усилия? Нет? Садитесь, двойка.

– Да, Зот, двойка им, – подтвердил Комар. – Так, Фляма-мяма, вот чё. Идите, доставайте, чё скажем. Леску чтобы принесли, два поплавка, хлеба, да не чёрствого, картоху...

– Тебе, может, Сферу с неба достать? – зло спросил Ян. – Издеваешься?

– Это ты издеваешься, ушлёпок, – Комар прищурился. – Ты сегодня кто? Крыса. Потому что ты вчера вытянул что? Травинку короткую. Чё тебе не ясно, Фляма-мяма? А ну пошли, и если до вечера не достанете, Зот вам пропишет песочной колбасы.

– Пойдём, – Пол дернул брата за рукав. – Ян, идём.

– Во, вторая крыса думалку включила, – обрадовался Комар. – Давайте, шевелите булками, пошустрее.

– И где мы это всё возьмём? – безнадежно спросил Ян.

– Да хоть в Пермь сгоняйте, но чтоб к вечеру было, – Комар вытащил из пачки сигарету, понюхал, скривился. – «Памир», блин. Самые вонючие притащили... уроды...

– Не было других, – сказал чистую правду Ян.

– Не было других, у-тю-тю, – передразнил его Комар. – А надо, чтобы были. Док сегодня «Герцеговину» курил, сам видел. И где?

– У дока в кармане, – зло произнес Ян. – Как я тебе достану оттуда?

– Ниипет, как, – хмыкнул Комар. – Попроси. Вы ж нытики оба, найдите дока, и в ножки упадите.

– Да пошел ты, – Пол разозлился. – Сам падай. Что было, то принесли, отцепись уже!

– Да щас, – процедил Комар. – Всё, валите. К вечеру чтоб тут были, а иначе...

Он не договорил. Мрачно зыркнул на Яна с Полом, а потом сплюнул себе под ноги.

– Ползи, крыса, – приказал Коврига. – Ползи-ползи. После ужина тут, ясно? Чтоб как штык!

* * *

Эту чёртову игру в крысу придумал, разумеется, Комар – и играть заставлял всех старшеклассников, от седьмого класса и до последнего. Мальки в крысу не играли, потому что для этого не годились, всякие же мелкие поручения Комар заставлял их выполнять просто так. Правила игры были просты: избранные Комаром жертвы, числом всегда вокруг десятка, вызывались после отбоя в коридор, и по очереди тянули из пучка травинки, среди которых была

одна короткая. Тот, кто вытягивал короткую травинку (или, по зимнему времени, бумажку с оторванным краем), становился крысой, и был обязан сутки прислуживать Комариной банде, причем услуги эти зачастую были не только воровством, которым вынужденно промышляли сегодня братья Фламма. Полу и Яну в этот день ещё, считай, повезло – ведь Комар мог заставить делать куда более мерзкие вещи. Отказаться от игры, разумеется, было невозможно, потому что отказавшийся получал от Зота порцию песочной колбасы, то есть кто-то из банды держал провинившегося, а Зот в это время избивал его самошитой колбаской, в которую был насыпан песок. Избивал жестоко и страшно, и самым скверным было то, что синяков после таких избиений не оставалось, даже воспитателям не пожалуешься. Жаловаться, впрочем, не рисковал никто, потому что за жалобу прилетало сперва от Комара с компанией, за стукачество, а потом от завуча – за неумение решать проблемы самостоятельно...

– Ладно, поплавки сопрём на рынке, день базарный, – обреченно произнёс Ян, когда они вышли с территории завода, и направились к посёлку. – Леску тоже...

– А хлеб с картошкой и сигареты? – спросил Пол. Выглядел он несчастнее некуда. Ян вздохнул, задумался.

– Не знаю, – признался он. – Понятия не имею. По огородам пройти, что ли?

– Соли в жопу захотел, по огородам? – с отчаянием спросил Пол. – Они нам пройдутся.

– Может, попросить? – Ян задумался.

– У кого? – обреченно произнёс Пол. – И сигареты ещё... блин, как бы дока подловить, а? Если подловим дока, добудем хотя бы сигарет.

– Угу. Иначе отловим от Зота по почкам, – вздохнул Ян.

Быть им сегодня битыми, понял Ян. Комар поставил невыполнимую задачу, он, видимо, вознамерился обеспечить себе завтра поход на рыбалку – их руками. И ещё спасибо, что ему понадобилась только картошка и хлеб, мог ведь потребовать и лук, и морковь, и лавровый лист, и перец. Комар был большой эстет, и Ян подумал, что Комар, видимо, возжелал отведать ухи из местных карасиков, и... и варить эту уху, разумеется, будет следующая крыса. Специально выбранная для этой цели крыса, которой сегодня вечером подсунут короткую травинку.

* * *

Вопрос с картошкой решился на удивление просто – потому что в этот день в детдом как раз привезли картошку, и не только её, и братья, вовремя оказавшись в нужном месте, помогли с выгрузкой, за что баб Зина оделила их и картошкой, и парой морковок, и даже большой жухлой луковицей. Иначе как чудом это совпадение объяснить было невозможно, и чудо это повлияло на братьев просто сказочным образом – они приободрились, и выпросили у баб Зины ещё полбуханки вчерашнего черного, которую та не очень хотела отдавать, но всё же отдала, по доброте душевной. Поскольку хранить хабар им было негде (в общей спальне такое добро не залежалось бы), потащили к Комару, на завод, вызвав у компании веселое изумление. Сразу посыпались реплики, что крыса-то сегодняшняя моёт, и хорошо, пусть теперь дальше моёт, может, и без лечения песком обойдётся. Упоминание про песок обрадованных братьев слегка отрезвило, и, поразмыслив, они отправились в Морозново, на рынок – пытаться удачу дальше.

...Ночью прошел дождь, и это было хорошо, потому что дождь прибил дорожную пыль, шли поэтому легко, и до Морознова добрались за двадцать минут. Пол по пути развлекался тем, что сшибал прутиком колючие фиолетовые цветочки, которые в изобилии росли на могучих кустах чертополоха по обочине, а вот Ян сделался задумчив, шел медленно, то и дело отставая от брата, и, кажется, что-то прикидывая про себя.

– Чего ты застреваешь? – Пол, наконец, тоже замедлил шаг, а затем и вовсе остановился. – Идём, обед скоро, а нам леску ещё добыть нужно.

– Да помню, отстань, – отмахнулся Ян. – Думаю просто.

- Про что? – с интересом спросил Пол.
- Про самолетики, – Ян нахмурился. – Куда они попадают, а? И кто нам пишет?
- Ох... Ну, Ян, попадают куда-то, – Пол пожал плечами. – Да скоро всё равно станет, куда попадают. Нам туда точно не попасть. Последний год учимся, потом – на курсы, потом в барак. Времени не будет на поле шляться. Ты же понимаешь.
- Нет, не понимаю, – покачал головой Ян. – Этого не может быть, ну, того, что мы с тобой делаем и видим. Так?
- Ну... так, – согласился Пол. – Не может, это ты прав.
- Но оно есть. И вот я думаю, – Ян осёкся. – А если это враг? Если это обман?
- Враг? – Пол удивился. – Да ладно, с чего враг-то?
- А кто? – Ян повернулся к нему. – Сфера же. Давай в следующем самолете спросим, не враг ли он.
- Да какой он враг, – махнул рукой Пол. – Ян, это игра какая-то у нас. И этот, который нам присылает самолеты, такой же дурак, как и мы, только из Морознова, небось. Семейный, домашний. Сидит тоже по кустам, за полем, ждёт, когда мы свой самолёт закинем, и...
- Пол, не мели чепуху, – строго сказал Ян. – Ты еще скажи, что самолеты ветром уносит так, что мы свои ни разу не находили. Только его.
- Ну, он, значит, с собой уносит. И он, дурак этот, тоже потом свои не находит. Ян, всё, детство кончилось, – Пол посерьезнел. – Ты еще скажи, что они на Сферу улетают, – хмыкнул он. – И что этот там, на Сфере на самом деле живёт. То есть нам хочется верить, что это так и есть, но...
- А кто живет на Сфере? Не враги? – Ян нахмурился. – Ты же знаешь, что именно они там и живут. А вот на счет игры ты не прав, уж извини. И на счет дурака из Морознова. Тебе, конечно, очень хочется поскорее повзрослеть, и чтобы деньги появились, вот только взрослость тут ни при чём. Система наша работает, сам видишь. Самолеты куда-то улетают. И парень этот себя называет Амрит¹. Ты хоть одного Амрита в Морозново знаешь? Не сходится. Кажется, он и впрямь со Сферы нам пишет, этот Амрит.
- Не, не знаю. Амрита не знаю, – хихикнул Пол. – Комара с Зотом знаю, а вот Амрита...
- А что он пишет? Ты хоть понимаешь вообще, о чём речь в его самолётах? – Ян нахмурился. – Мы с тобой и слов таких не понимаем. Их даже в словарях нет, я в библиотеке смотреть пытался, фиг там, ничего не нашел.
- Ты когда успел? – удивился Пол.
- Да весной ещё, как от него первый внятный самолёт появился на поле. Помнишь, в котором русскими буквами уже было?
- А, да. Помню. Ну, ясно...
- Пол задумался, нахмурился – сейчас братья стояли посреди абсолютно пустой дороги, Ян бездумно смотрел куда-то в сторону, а Пол – с тревогой глядел на брата.
- Может, как-то запишем это всё? – предложил Пол.
- Вроде дневника? – Ян что-то прикинул. – Можно, наверное. Спрячем на вышке.
- Тогда тетрадь еще добудем, – предложил Пол. – Раз уж мы сегодня крыса. Не на листах же писать.
- Давай, – согласился Ян. – Хотя знаешь, мне мерзко.
- Из-за крысы? – Пол обреченно вздохнул. – Мне тоже. А что делать?
- Отказаться, – Ян закусил губу. – Я не хочу этого больше. Достало.
- Убьют, – вздохнул Пол.

¹ Амрит – «бессмертный», санскрит, индийское имя. Дорогой читатель, обращай внимание на имена в этой книге, многие из них говорящие, содержат определенные маркеры или подсказки

– Да, убьют, – кивнул Ян. – Если бы меня одного убили, я бы уже давно их послал... но есть же ты, понимаешь, я не хочу, чтобы они убили тебя из-за того, что я отказался. Я всё-таки старше, и за тебя отвечаю.

– Ян, пойдём, – Пол решил, что этого разговора уже достаточно. – Ну пойдём, а? Хватит, сам ты достал. Даже меня достал. Стоишь тут с кислой рожей.

– Ладно, – нехотя кивнул Ян. – Но когда-нибудь я всё-таки откажусь. Потому что не могу больше.

– Когда-нибудь да, так и сделаем, – пообещал Пол. – Идём. Солнце уже за полдень перевалило, видишь, тени какие короткие?

* * *

На рынке братья поняли, что везение их на этот день, видимо, закончилось – потому что леску сегодня просто никто не продавал. Вообще никто. Обычно ею торговали перед входом, на досочках, но сегодня на досочках сидели сплошь бабки с зеленью и домашними огурцами, кривенькими и горькими, а лески не было ни у кого. Сунулись в ряды, побродили там – молодая картошка, редис, свекла, лук (за которым стояла небольшая очередь), дорожные яблоки, квашеная капуста, волглая и мягкая по летнему времени; соленые бочковые огурцы, явно подпорченные. В ряду с ширпотребом лески тоже не было – булавки, нитки, мелки для шитья, заколки-невидимки, которые нещадно драли волосы, и потому спросом не пользовались, капроновые ленты, белые и коричневые, унылого вида пуговицы, наклеенные на бумажки десятками, пришивные кнопки огромного размера, распарыватели, да тупые ножницы с зелеными кольцами, которые человек начинал тихо ненавидеть в день покупки из-за того, что они не резали.

Детдомовцев продавцы закономерно опасались, особенно тётки – они безошибочно узнавали в оборывшах потенциальных воришек, и скоренько либо убирали товар, либо выходили из-за прилавков, чтобы, если что не так, поймать за руки. Тихая эта ненависть была, разумеется, взаимной – братья Фламма зыркали на торговков с презрением и чуть ли не высокомерно, те фыркали, и не стеснялись отпустить крепкое словцо.

– П...ц, – констатировал Пол, когда они вышли из рядов. – И чего делать?

– Не знаю, – мрачно ответил Ян. – Чего делать... пошли к Лаврентьичу, может, там сопрём.

Лаврентьич был завхоз их детдома, заядлый рыбак, и случалось, правда, очень редко, что он делился с такими же фанатами рыбалки кое-какой мелкой снастью. Проблема заключалась в том, что братья Фламма к рыбалке ни таланта, ни тяги никогда не обнаруживали, поэтому на дележку рассчитывать не приходилось. Но хоть попробовать, а вдруг?

* * *

«Вдруг» не удалось по нескольким причинам, первая из которых заключалась в том, что Лаврентьич находился дома, мало того, он сидел во дворе, и штопал объёмистый здоровенный рыболовный сачок. Вторая причина была в том, что завхоз вчера, пятницы ради, хорошенько принял на грудь, и нынешнее похмелье доброго настроения ему не добавило.

– Леееску? – протянул он в ответ на робкую просьбу Яна. – А на кой тебе леска?

– Рыбу ловить, – соврал Ян, и тут же был уличён.

– Рыбыбу? – переспросил завхоз. – Это тебе-то, Фламма, рыбу? Какую тебе рыбу, ты не знаешь, с какого конца за удочку берутся. Да и врешь ты плохо. Толкнуть, небось, решил на базаре, да? А на деньги чего взять? Пива?

– Мы не пьём, – покачал головой Пол.

– Ага, да конечно, – сардонически усмехнулся Лаврентьич. – Не пьешь, потому что не наливает никто. А так бы пил, как милый. Не, не дам я вам леску. Валите на хрен, не трогайте дядю. Пока дядя вам позвонки вот этим не пересчитал, – он потряс в воздухе сачком. – Давай, давай, ноги в руки! Ишь, чего им. Леску. Видали...

Часом позже они попробовали подобраться к стоящей у порога сарая удочке, но завхоз был мужиком ушлым, и маневр их раскусил – пришлось убежать, да еще и Пол чудом сумел увернуться от полетевшей ему в спину лопаты.

– Ясно, – констатировал он, когда дом завхоза и завхозихи остался за поворотом. – Облом. Ну, чего? Ты или я?

– В смысле первый? Я пойду, – Ян опустил голову. – А чего делать? Всё равно ведь...

– Давай я, – предложил Пол. – Ну, колбаса, подумаешь. Не в первый раз ведь.

– Не в первый, а что, легче от этого? – в голосе Яна звучало самое настоящее отчаяние. – Уроды они. Ненавижу.

– Кто их любит. Ладно, пойдём, что ли, – обреченно вздохнул Пол. – Раньше начнётся, раньше кончится.

...Били крысу, разумеется, там же, где и всегда – на полянке, в заводском дворе, неподалеку от козырного места. Крыса в этот раз не сопротивлялась, просто молча терпела – точнее, первым терпел Ян, всё-таки Ян, а Полу досталось поменьше, потому что Зот подустал, и бить Пола ему тривиально расхотелось. После экзекуции крысе было велено принести два бидона воды с колонки, развести костёр, и на сегодня свободны, только позовите из восьмого класса Василькова, найдите, и притащите, с полудня ищем, он запропал куда-то, а ему сегодня травинку тянуть.

* * *

– Больно? – виновато спросил Пол, когда они шли к детдомовской столовой, на ужин.

– Немножко, – ответил Ян, хотя больно было ещё как множко. – Потерплю.

– Давай их отравим? – предложил Пол.

– Чем? – невесело усмехнулся Ян. – Они нас быстрее убьют, чем мы их отравим.

– Градусником, – Пол прищурился. – Сопрём у дока. Ртуть ядовитая.

– Это надо тысячу градусников, чтобы кого-то отравить, – возразил Ян. – Откуда тебе такая дурь лезет в голову?

– Не знаю, – Пол задумался. – Может, в книге прочёл. Не помню.

– Не мели ерунды. Никого мы травить не будем, – твёрдо ответил Ян. – Пошли жрать, обед-то пропустили из-за этих уродов.

– Компота бы, – мечтательно произнес Пол. – С изюмом.

– Дождись. Изюм ему, как же. Мечтатель.

Серые макароны с маргарином, положенные на ужин, и сладкий жидкий чай братья смолотили в момент – впрочем, в этом ничего удивительного не было. Тут все молотили еду так, что за ушами трещало, скудных порций мальчишкам было недостаточно, а на добавку могли дать разве что кусок хлеба. Ну, хлеба и взяли, по два куска, да еще удалось зацепить по куску сахара у зазевавшейся баб Зины. Добыча перекечевала в карманы, вылизанные до зеркального блеска тарелки – на чёрную резиновую ленту, к мойке, и братья вышли, наконец, на вечернюю улицу.

– Ну чего? На аэродром? – спросил Пол.

– А куда? – пожал плечами Ян. – Успеем, солнце ещё не село.

– Надо попробовать поискать самолёт, – закончил Пол. – Утром не было. Может, сейчас?

– Ну и пошли, – заключил Ян.

Глава 2

Ит Соградо. Док

Потеря была невелика, она почему-то даже развеселила – звонок этот за четыре года осточертел просто невероятно, и то, что мальчишки приложили к нему руку, превратив в немое напоминание о былом величии, которое никогда больше не будет противно тренькать, даже в чём-то обрадовало. Интересно, зачем им понадобилась именно чашечка, почему они не утащили звонок целиком? Немного странно. Впрочем, братья и были странными, действовали порой абсолютно нелогично, абсурдно, кажется, они и сами порой не осознавали свою собственную мотивацию. Или мотивация была чужая... Ит задумался. Возможно, заказ от Комара, братья сегодня снова «крыса», а у Комара фантазия ещё та, следует признать. Больная фантазия, если уж начистоту. По хорошему, и Комара, и всю его компанию следует отправить к психиатру. Оптом. Сразу. Но это Масловка, поэтому никаких психиатров, конечно, нет, и не предвидится. А предвидится вечер, и очередное избиение «крысы». Бедные братья Фламма, и бедный я, который имеет право, считай, только сидеть в кабинете, перебирать бумажки, и проводить осмотры по графику. Чёрт бы побрал это всё.

В дверь постучали – Ит поднял голову от журнала, и произнес:

– Войдите.

* * *

Посетители к доку шли ежедневно, и состав их был давно известен и заучен. Баб Зина: давление. Лаврентьич: похмелье. Физик: подагра. И так далее, в том же духе. Вообще, по уму, док не обязан был принимать преподавателей и персонал, но принимать приходилось, тратя на эти приемы то время, которое в штатном расписании отводилось детям. Дети тоже приходили, или их кто-то приводил, но это случалось на порядок реже, чем нашествие преподавателей. Сегодня была суббота, и Ит знал, кто, когда, и с какой проблемой наведается – не смотря на то, что время было каникулярное, ходили к нему, как на работу. Быстро разобрались и поняли, что он действительно умеет лечить, может лечить, и лечит хорошо, вот и шли. Впрочем, страдалецев тоже можно было понять. Зачем обращаться в поликлинику, когда под боком есть свой врач, с руками, с головой, понимающий, и безотказный?

При других обстоятельствах Ит, с высокой долей вероятности, послал бы всю эту братию куда подальше, предварительно честно приняв по одному разу, но – не в тех, в которых он и Берта находились последние четыре года. Не принимать было нельзя. Отказывать было нельзя. Даже проговаривать вслух своё мнение о происходящем тоже было нельзя, потому что по условиям договора, на заключение которого ушло три года, было нельзя вообще ничего, лишь молча находиться на своём месте, и наблюдать. И спасибо, что хоть так. Ужас, да. Крошечный тёмный ужас, но иного выхода просто не существовало.

...На пороге кабинета стоял завхоз, и причина его появления ощущалась на трехметровом расстоянии – Ит невольно поморщился от запаха перегара.

– Здорово, Лаврентьич, – вздохнул он. – Что, голова?

– Она, проклятушая, – подтвердил завхоз. – Итгар, родимый, мочи нет терпеть, дай эту твою... как её... коку...

– Элеутерококк, что ли? – спросил Ит, вставая из-за стола. – Лаврентьич, ну вот на кой ты опять вчера столько выпил, а?

– Да я немного, – замахал руками завхоз. – И утром нормально вроде, чего-то после полудня только накрыло. А сейчас вообще как шар чугунный катается. Может, лопату сильно бросил, вот и разболелась башка-то? Не надо было кидать.

– А зачем ты кидал? – любопытствовал Ит, открывая шкафчик ключом с замысловатой формы бородкой. Шкафчик этот был практически сейф, и являлся мечтой для многих, но Ит, памятуя годы, проведенные на Терре-ноль, к устройству шкафчика подошел ответственно. Во-первых, шкаф был цельнометаллический, во-вторых, он был привинчен к полу, и не абы как, а на восемь толстенных законтренных на всякий случай болтов, в-третьих, замок Ит переделал сам, и вскрыть шкафчик обычными средствами не представлялось возможным.

– Сучата эти удочку мою спереть хотели, – пожаловался завхоз. – Вот и не сдержался. Ну что мне, всё в дом убирать, что ли, каждый раз? То тачка моя понадобилась, то ножницы по металлу, теперь вот удочка. Я же не миллионщик! А эти... сперва пристали – дай им, да дай. Я в отказ. Потом, смотрю, по кустам лезут, к сараю, ну я и не сдержался.

– Так кто лез-то? – спросил Ит, уже догадавшись о том, какой последует ответ.

– Братья эти, близнецы-засранцы, – проворчал завхоз. – Вообще бы пришиб, вот честно. Какие-то они...

– Какие? – Ит вытащил из шкафчика нужную бутылку, и принялся наливать раствор в мензурку. Конечно, это был не только пресловутый элеутерококк, настойку Ит делал сам, и добавил в неё обезболивающее из своих запасов. – Ну, так какие?

– Не такие, – дёрнул плечом завхоз. – Не нашенские какие-то. Не знаю я.

– А что в них ненашенского? – удивился Ит. – Руки, ноги, голова. Смотрел я их, мальчишки как мальчишки.

– Какие-то они... – не обладающий большим словарным запасом завхоз задумался. – Ну... это... Тощие какие-то.

– И чего? Я вон тоже тощий, – Ит пожал плечами. – У нас в семье все тощие, и брат у меня такой же, и мать была такая же. Что ж я, ненашенский после этого?

– Ну нет, ты нашенский, – залебезил завхоз. – Обычный ты. А эти не такие. Не знаю.

– Самые обычные они, – твёрдо произнес Ит, хотя отлично понимал, что говорит сейчас неправду – и это еще мягко сказано. – На, держи. Пей. Давай воды налью, горькая.

– Не, нормально, – завхоз залпом осушил мензурку. – Ух, хорошо пошла! А эти всё равно не такие. Вот, например, какая у них нация, можешь сказать?

Ит снова пожал плечами.

– Не знаю, – признался он. – Не моя точно. Хотя у меня две – латыши и армяне. Да, я в курсе, что это смешно, Лаврентьич, но вот так получилось, что папа маму полюбил.

– А ты вообще еще дальше пошел со своей полячкой, – поддел завхоз.

– Нормально я пошёл. Только она не полячка, а полька, – поправил Ит. – И чего?

– А того, что они непонятные совсем.

– Слушай, отвяжись ты от них, – попросил Ит. – Это у тебя от того что голова болит дурь всякая полезла наружу. Сейчас элеутерококк всосётся, и забудешь про всякие глупости.

– Ну, может, и так, – завхоз покосился на бутылку, всё ещё стоявшую на докторском столе. – С собой не отольёшь хоть немножко?

– Не отолью, – твёрдо ответил Ит. – Я не аптека, уж извини. Надо, зайдешь. Нет, повторяю, не буду я тебе с собой давать ничего, и не проси даже! Если я у вас на поводу пойду, вы быстро себе моду заведете клянчить, а у меня отчетность. Одно дело тут помочь, другое – довольствие вам устраивать.

– Да ладно, ладно, не сердись ты так, – залебезил завхоз, пятясь к двери. – Нет, так нет, я чего, я ничего...

– И не пей ты столько больше, – попросил Ит. – Одно дело голова, а если печень отвалится, что делать будешь?

– Не, печень у меня нормально, гвозди переваривать могу, – заверил завхоз.

– Переваривает желудок, – безнадежно произнес Ит в сторону закрывающейся двери. – Ай, ладно. Не батя я тебе, чтобы морали читать...

Дверь захлопнулась. Ит тяжело вздохнул, взял со стола бутылку, и поставил её обратно в шкаф. Секунду подумал, задвинул вглубь, а вперед переместил другой флакон, с примочкой. Дождь вчера был, а это значит, что скоро зайвится Фрол Савельевич, в сравнении с которым завхоз кажется милейшим существом... ну да, способным кинуть в спину подростку штыковую лопату, но всё-таки.

Достали, подумалось ему. Как же они все достали, не передать – своей этакой вот хитрой тупостью, житейской смекалкой, желанием всё получить на халяву, и, главное, извечным «авось пронесёт». Интересно, кстати. Значит, братья пытались утащить удочку? Ну, это точно «крыса», к гадалке не ходи. Братья не рыбачат. И силки на ворон не ставили ни разу – спросил как-то, было дело, сказали, что брезгуют. Хотя другие детдомовцы ворон иной раз в охотку ели, другой вопрос, поймать ворону было делом отнюдь не простым. Потому что сделать силок, найти место, вдали от детдома, дойти, поймать, забить, а потом еще и поджарить – это вам не репу с картошкой тырить на хозяйских огородах. Целое приключение.

Полчаса прошли в блаженном ничегонеделании, а потом в дверь постучали снова – причем в этот раз стук был ого какой, подлиза завхоз стучал робко, «тук-тук-тук», а сейчас прозвучало «бум! бум! бум!», потому что стучал физик, он же замдиректора, а с этим шуточки были плохи. Все его были обязаны опасаться. И ученики-детдомовцы, и сотрудники, и, конечно, хилиак-докторишка, которому, не иначе как за упорство, Фрол с удовольствием настучал бы точно так же и по голове, вот только начальство не позволяло.

– Открыто, Фрол Савельевич, проходите, – произнес Ит, одергивая халат. Халат, надо сказать, был на нём безукоризненно белый и выглаженный – спасибо Берте, постаралась. Да и вообще, вид вполне себе презентабельный, даже волосы аккуратно убраны в хвост, и спрятаны под этим самым халатом, «чтобы не маячили». С волосами случилась отчаянная битва в самом начале работы в проекте; отрезать их Ит отказался категорически, и поэтому была спешно придумана легенда, что носит свой хвост Ит из-за того, что волосы закрывают шрам на голове, если срезать, будет видно, а он не хочет, чтобы пялились. В принципе, концепт этот под легенду бывшего военного врача подходил пусть и не стопроцентно, но в целом неплохо, однако Итский хвост, пусть полуседой, пусть аккуратный, пусть даже и спрятанный, был в местных условиях всё-таки вызовом обществу, и ещё каким. Не таким, конечно, как фамилия «Фламма», но близко к тому. Ит вообще для столь длительной работы внешность практически не менял – так, добавил немного морщинок, седины (по легенде ему было пятьдесят два года), чуть ссутулился, и сделал в паре заметных мест шрамирование. И всё. А Берта так и вообще ничего в своём образе менять не стала, только причёску сменила на короткое каре, очень простенькое, чтобы любая местная мастерица сумела подновить.

Фрол Савельевич переступил порог кабинета так, что сразу становилось понятно: пришла монаршая особа, не меньше. Плечи расправлены, все три подбородка задраны, в глазах – надменность и едва ли не брезгливость.

– Итгар Ваганович, добрый день, – поприветствовал он. – Я к вам по делу.

Ит встал, обошел стол, и отодвинул стул – про этот особый порядок он был более чем в курсе.

– Добрый день, – ответил он. – Присаживайтесь, пожалуйста. Какое же дело привело вас ко мне?

Правила игры было соблюдены от и до, и замдиректора позволил себе что-то, похожее на джокондовскую едва заметную улыбку.

– Погоды нынче разыгрались, – начал заход в направлении заветного шкафчика замдиректора. – Нестабильные погоды. И следует осознавать, что подобные атмосферные явления...

Ит с неприязнью смотрел Фролу чуть выше переносицы – стараясь держать в фокусе несколько седых волосков между бровями, и поменьше замечать всё остальное: водянистые глазки, гладко выбритые подбородки, какой-то белый налет в уголках губ (кажется, от зубного порошка), красноватую шею, которую натирал воротник рубашки. Пакость, думалось ему. Какая же это всё пакость. И... господи, если бы я хоть что-то мог сделать, но я ничего не имею права делать, и сейчас я, как миленький, достану примочку из шкафа, да еще и натру этой твари этой примочкой косточки на ногах, потому что для того, чтобы удержаться здесь, надо очень сильно постараться смириться с этой пакостью, и делать вид, что её не существует. На секунду он представил себе, что ломает замдиректорскую шею, и он даже услышал протестующий хруст позвонков и треск, но...

– ...следствием является болевой симптом, который и привел меня к вам в кабинет, – закончил свою пространную речь Фрол Савельевич. – Вы, как обладатель соответствующего диплома и знаний, и приносивший присягу Гиппократу...

– Я клятву военного врача давал, – в сотый раз напомнил Ит. – Гиппократ это дело давнее, как вы понимаете.

– Но, в любом случае, вы не вправе отказывать страждущему, – твёрдо произнес Фрол Савельевич.

– Подагра? – спросил Ит. Фрол кивнул. – Одну секундочку. И, Фрол Савельевич, я вам много раз говорил: меняйте режим питания. Исключите, пожалуйста, солёное, жареное, и острое. Не усугубляйте своё положение.

– Сам разберусь, – велеречивость Фрола в мгновение ока куда-то испарилась. – У вас примочка есть?

– Есть, я же сказал уже. Сейчас всё сделаю. Разувайтесь.

«Интересно, сколько же он жрёт? – подумал Ит, прикладывая смоченные в растворе марлевые салфетки к выпирающим плюснефаланговым суставам. – И где он берет деньги, чтобы столько жрать? Хотя, конечно, всё понятно, и что, и как, и откуда, но хоть постеснялся бы, что ли. Впрочем, такие не стесняются. И этот еще ничего, он, если мы всё выяснили правильно, пока что никого не убил. Ещё не убил. Ладно, не хочу об этом, не могу об этом, и не буду об этом думать, иначе я ему сейчас переломаю ноги, и вылетим мы с Бертой отсюда на такой скорости, что сложно вообразить».

– Нужно зафиксировать, – сказал он. – И пробудьте хотя бы час в покое, не ходите. Сегодня на ночь выпейте чаю с молоком, как я предлагал, и не переохлаждайте ноги.

– Опять шерстяные носки? – неприязненно спросил Фрол. – Ну сколько можно, лето на дворе...

– Вы же хотите, чтобы боль прошла? – спросил Ит. – Значит, сегодня носки. Поберегите ноги.

– Ладно, – сдался замдиректора. – Итгар Ваганович, вы составили список на июль?

– Уже заканчиваю, через час будет готов, – отрапортовал Ит, хотя список у него был готов ещё вчера. – Сегодня можно будет сдать?

– Нужно, – нашел к чему прицепиться замдиректора. – Очень бы хотелось, чтобы вы включили, наконец, пунктуальность, в список ваших добродетелей. Потому что вы в который раз уже запаздываете. Ещё раз опоздаете, лишу премии.

– Простите, постараюсь исправиться, – закивал Ит.

– Отчёты хотя бы готовы?

– Да-да-да, готовы, отдать сейчас? – Ит убрал примочку в шкаф, закрыл на ключ, и только после этого подошел к стеллажам, которые находились в дальней части кабинета. – Вот, пожалуйста. Июнь закрыт, и вот майские исправления.

– Занесёте всё вместе, – махнул рукой Фрол, которому, конечно, совершенно не улыбалась перспектива тащить самостоятельно к себе объёмистые папки. – И не тяните.

– Не буду тянуть, – пообещал Ит. – Скоро всё принесу.

– Вот и славно.

Когда дверь за Фролом Савельевичем закрылась, Ит с трудом подавил в себе желание плюнуть на неё, снова сел за стол, покрутил в руках карандаш, сунул в стаканчик, и приготовился жать следующего страдальца. Точнее, страдальцу. Впрочем, настроение у него уже стало улучшаться, потому что предстояла в его кабинете в ближайший час вовсе не трагедия, а нечто совсем иное.

* * *

Самым загадочным в этой истории было то, как химичка, Мария Львовна, в принципе сумела угодить в химички – судя по осторожным расспросам, которые нет-нет, да устраивала ей Берта, в химии Мария Львовна понимала чуть меньше, чем ничего. Все её уроки сводились к тому, что она, путаясь в формулах, читала ученикам по главке из учебника, а потом ученики переписывали выдержки из этих главок к себе в тетради. Контрольные она проводила чисто номинально, работы не проверяла, а оценки ставила наобум – хорошо, что четверки и пятерки. Она была не злой, нет, боже упаси; Мария Львовна была феерически, фантастически, феноменально глупой, до ужаса наивной, и влюбчивой, как мартовская кошка. По слухам, в Масловский детдом её во временную ссылку отправил какой-то большой любовник, причем отправил с непонятной целью – то ли уберечь эту красотку от своей жены, то ли наоборот, уберечь жену от притязаний Машеньки, с которой случилось бы придти домой, и всё в лоб высказать незнакомому человеку.

– Не понимаю, – говорила Берта. – Я искренне не понимаю, как у неё в принципе получается быть такой дурой? Это ведь нарочно не придумаешь, над ней дети смеются, а она, кажется, этого даже не замечает.

Ит догадывался, как, и понимал, что вопросы Берта задает, конечно, в риторическом ключе, но он порой и сам недоумевал, ради какой великой цели Марию Львовну терпят, именно что терпят, в детдоме, да еще и в роли учителя химии. Почему химия? Пристроили бы хотя бы трудовичкой, пол мыть и жарить яичницу она, разумеется, умеет...

– Итгар Ваганович, можно? – химичка стучать не стала, она, видимо, к его двери краслась, потому что обнаруживать свое присутствие не стремилась. – Я ненадолго.

– Заходите, Мария Львовна, открыто, – вздохнул Ит. – Что-то случилось?

«Пятница случилась, – подумал он. – Танцы в ДК. А потом случилось ещё что-то, что бывает по пятницам, и вот она здесь, ну конечно».

Мария Львовна, надо сказать, была действительно хороша собой – стройная, пышногрудая блондиночка с перманентом и подведенными глазами. Ладненькая милая фигурка, рост невелик (впрочем, тут высоких почти и не было), формы достойные, и во взгляде нечто этакое... туманное и многообещающее, но при этом наивное и чуть ли не невинное. Этакая Мэрилин Монро Мценского уезда. Одежда, правда, подкачала, потому что одежда эта была, во-первых, дешевая, и, во-вторых, подобрана безвкусно, аляписто, по мешански. Укороченная синяя форменная юбка, пиджак с ватными подплечниками, просвечивающими через слишком тонкую ткань, босоножки, расшитые бусинами – искусственный жемчуг и блестки. Полное фу, как говорила Берта, но, если принять во внимание вкусы шоферов лесовозов, вполне себе ничего. Для Морознова сойдёт.

– Итгар Ваганович, тут такое... – химичка тихонько прикрыла за собой дверь, и села напротив Ига за стол, облокотившись, причем так, что все прелести оказались как раз напротив докторских рук. – Такое... ну и, в общем, я опять к вам.

– Понял, – коротко кивнул Ит. – Вы снова?

– Ну... да.

– Мария Львовна, я же рекомендовал вам пользоваться средствами защиты, – безнадежно вздохнул Ит. – Ну вы же взрослый человек. Я понимаю, порыв, страсть... лето, наконец, но надо же как-то всё-таки думать головой-то!

– Кончились, – Мария Львовна мило покраснела. Ит откинулся на спинку стула, чтобы находиться подальше от прелестей, и покачал головой.

– Ну так купите, – с неприязнью произнес он.

– Стыдно, – она покраснела ещё гуще. – Надо в Пермь ехать.

– Так езжайте, – Ит рассердился. – Ладно, это вы уже сами. Что на этот раз?

– Чешется, – полушепотом произнесла она.

– Угу, – Ит поморщился. – Нет, ну так нельзя. Хорошо, в этот раз, судя по всему, молочница. А если сифилис? Вы позора боитесь? А без носа остаться не боитесь?

«Застрашаю, – подумал он. – Ох, застрашаю. Надеюсь, на пару недель хотя бы хватит».

– Боюсь, – Мария Львовна вытащила из кармана подшитый кружевом платочек, и промокнула глаза. Промокнула, впрочем, очень осторожно, чтобы не повредить тени. – Очень боюсь. Но, понимаете, так бывает, что...

– Бывает, – согласился Ит. – Люди взрослые, порой и не такое бывает. Но думать всё равно надо. Вот что, зайдите ко мне через два часа, отолью свечи, сделаете курс. Но чтобы в следующий раз приобрели изделие номер восемь, и носили с собой. И ещё, Мария Львовна, будьте вы разборчивее в выборе. Что это за кавалер такой, если у него даже на защиту денег нет?

– Есть у него деньги, – возразила химичка. – Он просто забыл...

– Угу. В который раз он просто забыл, если вы ко мне от него с такой наградой пришли? – спросил Ит. – Значит, и с другой забыл. Про это вы не подумали?

– Нет, – кажется, она растерялась. – А ведь и правда, где-то он же взял... ой, ну как же я...

– Обойдётся, – Ит встал. – Идите, и через два часа жду.

– Так чешется же очень, – казалось, химичка сейчас заплачет.

– Ну, почешетесь пару часов, – развёл руками Ит. – Мне приготовить надо лекарство, я такие формы не держу, у нас тут всё-таки дети, а не вендиспансер.

Из его кабинета химичка вышла красная от стыда, но обнадеженная скорым излечением – к Иту она за эти четыре года с подобными проблемами обращалась раз двадцать. Хоть бы она уже родила от кого-то, и осела хоть где-то, думал Ит. И лезла бы к нему со своими половыми проблемами и болячками, подцепленными от местного... гм... контингента. Да, именно что контингента, это, наверное, самое подходящее слово.

* * *

Берта пришла после обеда, она сегодня была выходная, и чем-то занималась в городе, но, видимо, занятия кончились, и Берта приняла решение вытащить мужа с работы пораньше, у того, по её расчетам, дел в этот день было немного. Пришла Берта при параде, в нарядном выходном платье, с яркой тряпичной индийской сумкой – сумка эта, заграничная, нездешняя, была предметом зависти почти всех детдомовских дам, в первую очередь, разумеется, Марии Львовны.

– Привет, – стучать Берта, конечно, не стала, зашла в кабинет, положила сумку на стол – в ней что-то звякнуло. – Отработал уже?

– Привет, – Ит закрыл последнюю на сегодня папку, тоже встал, обошел стол, и чмокнул Берту в щеку. – Да, всё уже, закончил. А откуда это ты такая нарядная?

– Собрание кружка, – пояснила Берта. – Мы там все сегодня были нарядные.

– Это какого? – удивился Ит. Берта в один кружок ходила, а другой вела сама. Первый был садоводческий, второй – математический. Ради математического, да еще и закрытого по летнему времени, Берта наряжаться не стала бы.

– Садоводы, – подтвердила его невысказанное предположение Берта. – Фотографировались для стенгазеты, показывали, что удалось взрастить. А потом ели, что принесли. У Гали была редиска какая-то уникальная, красная внутри, а Тамара всем показывала съедобный физалис, но только показывала, он у неё в горшке на подоконнике растёт.

– А ты? – Ит усмехнулся.

– Желтый кабачок, разумеется, – пожала плечами Берта. – Произвела фурор, просят вырастить семенной. Выращу, тем более...

– Тем более что их выращиваю я, – напомнил Ит. – Ладно, будет семенной, мне не жалко. Интересное что-то было?

– Не-а, – покачала головой Берта. – Совсем ничего. Что на обед давали?

– Да как всегда, – махнул рукой Ит. – Баланда «три капусты, две морковки, и куриная косточка».

– Бедный ты мой, – Берта вздохнула. – Бутерброд хочешь?

– Давай дома, – покачал головой Ит. – И я не бедный, это дети бедные. Никак не привыкну.

– Не напоминай, – попросила Берта. – Галчата голодные... кому бы бутерброд пристроить, а?

– Кто-то младший был на площадке, – Ит подошел к окну, выглянул. – Толик с Кирюшкой в футбол гоняют, отдай им. С маслом, небось?

– И с сахаром, – кивнула Берта. – Бутерброд-пирожное. Дай нож, на двоих разрежу сразу. Тебя подождать?

– Нет. Ты иди, я тут всё запру, и приду, – сказал Ит. – Ты только тихонько, ладно? Увидят ещё...

– Не увидят, – покачала головой Берта. – И я же не скажу, что от меня. Баб Зина прикроет, если что.

– Угу, – кивнул Ит. – Всё, давай. У входа встретимся.

...Это дурацкое правило – не подкармливать детей – ввёл Фрол Савельевич, чёртов замдиректора, и отнюдь не просто так. Ему нужны были дети голодные, за кусок хлеба на всё согласные, но сердобольные тетки-преподавательницы, типа Берты, совсем уж мелких всё-таки нет-нет, да подкармливали. Жалко же. Очень жалко. Галчата, правильно Берта сказала. Тощие, нескладные галчата, вечно голодные, обделенные, никому не нужные. Четыре года Берта преподавала здесь же, в Масловке, математику, и все эти долгие четыре года она так и не научилась привычке, которая от неё требовалась. А именно – не думать об этих детях, как о детях. Она даже и не пыталась ожесточить сердце, это было выше её сил. Одному только она сумела как-то, с грехом пополам, научиться. Терпеть. Терпеть и молчать.

* * *

С территории детдома они вышли вдвоем, сумку теперь нёс Ит – звякал, как выяснилось, в сумке одеколон «гвоздичный», который выбросили на рынке, и которого опытная Берта прикупила сразу три флакона. Автобуса решили не ждать, и пошли в город пешком, по хорошей погоде получасовая пешая прогулка получилась в самый раз. Берта сперва вроде бы печалилась (из-за бутерброда и мальчишек, конечно, догадался Ит), но потом развеселилась, потому что у неё возник план на этот вечер, который она решила притворить в жизнь. Для осуществления плана требовался муж, и муж тут же был озадачен.

– Давай на лодке покатаемся, – предложила Берта. – Сейчас домой зайдем, переоденемся, и на реку. Ага?

– Кто нам лодку даст? – спросил Ит.

– Лаврентьич, – пояснила Берта. – У него сегодня голова болит. Ну, болела. Рыбачить он не пойдет, сам сказал, и про лодку я уже договорилась. За веслами только к нему зайдём.

– И когда ты только всё успеваешь, – покачал головой Ит. – Может, просто у реки погуляем? Ну что нам эта лодка?

– Нееее, – покачала головой Берта. – Хочу на воду. Хоть как. Сами приучили на Окисте, а теперь в кусты? Так дело не пойдет. Поэтому будет лодка.

– Ладно, – сдался Ит. – Хотя ты, конечно, сравнила – океаны на Окисте, и эту речку. Тем более что вода холодная, даже не искупаешься.

– Зато красиво, – возразила Берта. – Кофе возьмём, в термосе, бутербродов, куртки. Покатаемся...

– Это ты покатаешься, потому что катать придется мне, – хмыкнул Ит.

– Тебе грести лень? – Берта, кажется, немного обиделась. – Ладно, сама погребу. Дело, скажешь тоже.

– Да погребу я, погребу, – Ит уже пожалел о своих словах. – Буду я тебя эксплуатировать, делать мне больше нечего.

– Ага, попался, – торжествующе произнесла Берта. – А вообще, смешное слово, да?

– Какое? – не понял Ит.

– «Погребу», – объяснила Берта. – Нет, ну правда. Ну смешное же.

– Наверное, – Ит улыбнулся. – Да, в принципе, немного есть. Малыш, извини, у меня голова сейчас другим занята, и я слегка торможу поэтому.

– Чем занята? – Берта тут же утратила веселость и нахмурилась.

– Различия пошли, причем уже такие, что даже этот старый дуб Лаврентьич начал их замечать, – объяснил Ит. – Так что сильно подозреваю, что относительно спокойной время заканчивается. Что-то дальше будет...

– Посмотрим, – Берта вздохнула. – Я и сама вижу. Мне тут наша ежедневная Маша сказала, что Ян похож на тебя, и спросила, не родственники ли вы. Пришлось отшучиваться. Но сам факт... Понимаешь?

– Ещё бы, – Ит потёр переносицу, поморщился, словно от внезапной головной боли. – Надо будет чуть маскировку подправить, наверное.

– Не поможет, – покачала головой Берта. – Да и зачем? Люди бывают похожими, ничего особенного в этом нет.

– Хорошо, пусть так, – согласился Ит. – Но наши проблемы, как ты догадываешься, не могут ограничиться только их внешностью.

– В том и дело, – Берта отвернулась. – Ладно. Проехали. Это всё не сегодня. Потому что сегодня лодка и «погребу». Будешь работать погребцом. Или погребуном? Как тебе больше нравится?

– Да как хочешь, – хмыкнул Ит. – Загребатором. Загребу тебя куда-нибудь на остров...

– Размечтался, – отрезала жена. – И потом позора не оберемся. Давай уж лучше чинно и благородно. Мне лавры Марии Львовны не нужны.

– И мне тоже, – добавил Ит.

Глава 3

Амрит. Сфера Тэус

Кораблик был мелкий и очень юркий, и Ами больше всего боялся, что не справится с управлением – но еще больше он боялся, что потеряет лицо. Потому что если потерять, тут же сработает защита, и кораблик уйдёт с маршрута домой, в автоматическом режиме. А дома...

– Мэсе Пейли-Торк, мы приближаемся к точке, – произнес мелодичный голос. – Не желаете ли в оставшиеся десять минут пути насладиться любимым напитком?

Ами с досадой покосился на светящийся перед ним визуал. Согласилась бы Джесс насладиться любимым напитком? О, да. Конечно, согласилась бы. Потому что она пьёт. Ещё как пьёт. И, кажется, не только пьёт, но и кое-чем другим время от времени пользуется, вот только, к счастью, это кое-что корабли пока что синтезировать не научились. Ну, то есть, наверное, научились, но Джесс вовсе не желает спалиться (правильное слово, да?), ну, то есть попасться, и поэтому в памяти корабля про эту отраву ничего быть не может.

– Желаю, – произнес он спокойно. Чуть хрипкое женское меццо прозвучало в точности как у хозяйки этого самого кораблика, и Ами приободрился. Прорвёмся. Кажется, это тоже правильное слово.

– Извольте, – мелодично ответил кораблик, лючок в подлокотнике приоткрылся, и перед Ами возник тонкий высокий стакан, тут же покрывшийся изморозью. Жидкость, которой надлежало насладиться, слоилась – верхний слой мутно-белый, ниже – синий, с искрой, ещё ниже – изумрудно-зеленый, а в самом низу – ярко-оранжевый. В кабине запахло спиртным, очень дорогим спиртным, впрочем, Ами с этим запахом был хорошо знаком. Да и со вкусом напитка он тоже был знаком. Ладно, выпью, куда деваться. Только потом надо не забыть принять то, что спрятано в кармане кадетской куртки, потому что попадаться на спиртном в его планы тоже не входило.

– Благодарю, – чинно произнёс Ами женским меццо.

– Коктейль «Глубина небес», – констатировал корабль очевидное. – Всё, как вы любите.

Ами не удостоил корабль ответом (Джессика тоже бы не удостоила), взял холодный бокал, и отпил глоток. Недурно, следует признать. Маслянистая плотность, никакой излишней сладости, и вкус – натуральное молоко. Ну, почти натуральное, поправил Ами сам себя. Натурального он никогда в жизни не пробовал. Следом за вкусом молока появился иной – ягоды гури, потом – концентрированный сок богли, с ароматом мякоти дерева кори-понко, последним же был вкус апельсинов – не очень понятная Ами экзотика, но Джессика их любит, поэтому ликёр из них и присутствует в коктейле.

– Недурно, – произнес Ами вслух. – Спасибо.

– Готов служить, – откликнулся корабль. – До прибытия четыре минуты.

Ами залпом допил коктейль, уронил пустой стакан в услужливо открывший лючок, и встал. Пора было действовать. Хорошо, что он и Джессика одного роста (он чуть повыше, но ненамного), и почти одной комплекции. Семнадцатилетний юноша, конечно, недолго пробудет в таких же габаритах, что и его опекуна, но сейчас вопрос взросления и вырастания волновал Ами меньше всего.

Скафандров для выхода в пространство в шлюзовом отсеке имелось две штуки, и Ами выбрал тот, который выбрала бы сама Джессика – белый, с жемчужным отливом, очень дорогой, и очень красивый. Второй скафандр был обычным, штатным, и уже несколько лет висел без дела – скорее всего, и дальше ему судьба так висеть, кому он тут нужен. Эта мини-яхта принадлежит Джессике, и используется редко, только когда Джесс нужно куда-то попасть в пределах Сферы, и без сопровождения. А надо ей это очень нечасто, обычно она летает с помощ-

ницей или в компании, именно поэтому Ами и наловчился в своё время уводить эту яхту... чтобы использовать для своих нужд. Раньше он это делал редко. Но в последнее время – почти ежедневно.

* * *

Первый самолётик удалось поймать ещё до выхода – он очень удачно вошёл в поле, и был захвачен самой яхтой. А вот за вторым пришлось погоняться основательно, впрочем, от самолётика, который сделал и запусти Пол, иного ждать и не приходилось. Но усилия того стоили: Ян писал обычно письма сдержанно и коротко, а письма Пола были длиннее, и новых слов в них попадалось больше. Сейчас, впрочем, читать некогда, времени почти совсем не осталось, а ведь еще предстояло вернуться. В шлюзе Ами снял скафандр, сунул оба письма-самолётика во внутренний карман куртки, тщательно его закрыл (карман был с секретом, он не сканировался), и сел за пульт управления. Дорога домой обычно занимала около полутора часов, но Ами знал пару фокусов, и планировал добраться минут за сорок, в крайнем случае – за час, но это максимум. У тех, кто родился и вырос на Сфере, есть свои секреты, Ами тут исключением не был, Сфера была его домом изначально, да и в кадетской среде подобные фокусы были хорошо известны, многие ребята делали примерно то же, что делал сейчас Ами. Правда, с другими целями, но это неважно.

Кораблик шел сейчас над восемнадцатым радиусом – радиус перекрывал частично вид на Планету, и это расстраивало, потому что Планету хотелось рассмотреть получше, но всё время что-то мешало. То положения радиусов и параллелей, то отсутствие времени. Конечно, Ами, равно как и другие курсанты, Планету изучал, многое знал о ней, читал, смотрел – но одно дело читать и смотреть, а другое – почувствовать всё самостоятельно. Вот, например, братья пишут, что у них там неподалеку есть река. Как там было в определении? «Природный водный поток (водоток) значительных размеров с естественным течением по руслу от истока вниз до устья. Реки являются составной частью круговорота воды в природе». Вроде бы так, верно? На картинке, или в визио – берега и вода между ними. Или схема в разрезе. Но интересно не это. Интересно, как это вообще – река? Как она выглядит? Как она пахнет? Что чувствуешь, если рядом с нею находишься? Джессика обещала взять его с собой на какую-нибудь планету, если он успешно сдаст последний курс, но Ами отлично понимал: обещания её пустые, ничего они не стоят. Во-первых, после окончания курса начнётся подготовка по специальности. Во-вторых, по слухам, опекунам запрещено куда-то возить своих воспитанников. В-третьих, это чертовски дорого, и Ами вовсе не был уверен в том, что Джессика не пожалеет денег на его путешествие. В-четвертых... да просто не выпустят, Верховный не даст разрешение, да и всё. Никому не давал. Говорят, что никогда. Ну и ладно, в принципе, Ами давно уже смирился с этим фактом – жить ему и работать на Сфере до конца дней своих. Может быть, удастся когда-нибудь заработать на отпуск. Но точно не сейчас.

Хотя Планета... Планета была так близко... И тут начинались «но», делавшие Планету из самой близкой самой недосыгаемой. Потому что Планета принадлежала врагам. Самым настоящим врагам, которые оккупировали её, законсервировали, договорились со Службой, и запретили её посещать кому бы то ни было – якобы у Планеты какой-то свой особый путь и предназначение, и не смейте даже приближаться.

Путь? Предназначение? Ами вздохнул, вспоминая письма братьев. Хороший путь, ничего не скажешь – нищета и едва ли не голод. Самой вкусной едой, что братья пробовали в жизни, был, например, какой-то «пряник», что-то типа сладкой лепешки или булочки, и этот «пряник» они ели несколько дней, отщипывая по кусочку. Может, тут, на Сфере, и нет реки, что верно, то верно, но вот еды, любой, самой разной здесь просто завались, и стоит она гроши.

Потому что Сфера Тэус торгует энергией Солнца, которую аккумулирует, и живущие на ней люди ни в чём не нуждаются.

Странно как-то с этим путём и договоренностями. Но на Планете побывать всё равно хочется, если честно. Горы, моря, реки, лес... свобода. Хотя что вообще такое свобода? И сам Ами, и братья, по сути дела заперты – они на Планете, а он – в Сфере, и кто знает, что хуже. Хотя у него, если вдуматься, положение все-таки получше. Потому что есть шанс, пусть и крошечный, обрести эту самую свободу во взрослом возрасте. А вот братья обречены прожить всю свою жизнь на Планете, и только на Планете, и вряд ли их жизни будут длинными, там живут недолго. Зато есть река. И лес. И небо, настоящее, не симуляция.

Ами, после прохождения курса подготовки, должен был стать одним из младших Инженеров, работающих на Сфере – его ждала блестящая карьера и безбедная жизнь. Ну, если не путешествовать, конечно, не транжирить деньги, а честно работать. Впоследствии, став либо Старшим Инженером, либо Конструктором (мечты, какие же это сладкие мечты), можно будет задуматься и о путешествии. На декаду, а может, даже и на полторы. В какой-нибудь мир, где есть реки. И горы. И море. И что-нибудь ещё, непривычное, и потому привлекательное.

Радиус-сборщик между тем приблизился, кораблик начал подавать сигналы тревоги – но Ами именно это и было нужно. Он замедлил машину, вывел панель, и внес в курс корректировку, обманку, а потом перевел кораблик на ручное управление. И направил в сторону энергопотока, который струился над краем радиуса – технике это, конечно, не нравится, но такое скольжение является самым быстрым методом, чтобы пройти нужный участок радиуса... причём, вдобавок, еще и незамеченным.

* * *

Дома Ами поставил корабль в ангар, тщательно зачистил ему память, добавил в синтезатор компонентов, которые были потрачены на изготовление коктейля, снял лицо (некоторые называли это линчиной, но Ами это слово совсем не нравилось), и пошел вниз, в жилую зону. Джессики дома, разумеется, не было, а Карина, её помощница, задерживалась, поэтому Ами без проблем вычистил из системы своё двухчасовое отсутствие, загнал на место очередную обманку, и пошел к себе, переодеваться. Следовало поторопиться, сегодняшний преподаватель не любил, когда ученики опаздывали, и терпеть не мог, когда кто-то занимался из дома – старая школа, что поделать. Вы всё равно будете работать вместе, говорил он, в одних модулях, на одних потоках, поэтому надо привыкать к взаимодействию, к работе в команде. Да и контакты юности терять не следует, вам в дальнейшем это пригодится, уж будьте уверены. Будьте-то будьте, думал Ами, вот только на кой нам нужна твоя надоевшая история? Сейчас опять начнется бубнёж про экспансию, разделение, регрессию и прогрессию, стройку Сферы, и торговую политику. По сотому кругу. Надоело...

Форму пришлось надеть в этот раз серую, которую Ами не любил, а еще нужно было расчесать изрядно отросшие волосы, и собрать их в хвост – потому что длинные волосы преподаватель не любил тоже. Еще хорошо, что Джессика оказалась почему-то на его стороне, и даже договаривалась, чтобы ему разрешили носить прическу не по уставу. «Мальчик хочет», вспомнил Ами. Он тогда очень удивился, потому что уже морально подготовился к тому, что за волосы предстоит выдержать нешуточную борьбу. Мальчик хочет, объяснила тогда Джессика главному куратору, и пусть носит длинные волосы. Его отец носил похожую прическу, не стоит препятствовать. Это родовое.

Отца и мать Ами не помнил – они погибли, когда ему было семь лет, погибли на одной из станций, работавшей с потоками. Для Ами это оказалось настолько сильным потрясением, что ему пришлось корректировать память: всё, что было до семилетнего возраста, он помнил очень смутно, размыто. Хорошая, дружная семья. Мама, темноволосая, синеглазая, отец, крупный,

с широкими плечами, часто и задорно улыбающийся, небольшая блочная квартира, кажется, на девятом радиусе, неплохая квартира, с двумя внешними окнами, из которых можно было видеть Сферу и пространство. Обычай в семье тоже были. Например, воскресный обед, на который заглядывали бабушка и дедушка. Или ежемесячная посылка – они заказывали вещи, а потом дружно, всей семьей, их распаковывали и показывали друг другу. Посылка, пожалуй, была самым приятным обычаем, потому что в ней обязательно находился какой-то сюрприз для Ами, и мама всегда очень радовалась, видя восторг сына. Были еще какие-то обычаи, характерные для таких же рядовых семей, которые иногда называли достойными, но все воспоминания о них были для Ами словно подернуты пеленой. Вроде было, а вроде и не было.

Ами кинул перед собой визуал, крутанул – да, всё в порядке, одет по форме, волос не видно, можно выходить. Ах, да, чуть не забыл! Он вытащил оба самолётика из кармана куртки, и переложил в карман формы. Может быть, удастся почитать после занятий. По идее, у него должно получиться бесконтрольное время, небольшое, с полчаса, но этого вполне довольно. Еще раз глянув на визуал, Ами удовлетворенно кивнул, и вышел из комнаты, оставив дверь открытой – специально для Джессики, чтобы она не сомневалась: подопечный в её отсутствие никакими дурными делами не занимался.

* * *

– ...основа нашего благосостояния. Как вам известно, договор о строительстве Сферы с цивилизацией Самфелаг был заключён...

– В 2168 году, – шепотом закончил Ами. Сидевший с ним рядом Сей хихикнул.

– ...в 2168 году, – продолжил преподаватель. – Он включал в себя пакт о сотрудничестве, динамичное распределение долевой собственности, и разделение доходов, с учетом графика, составленного...

– ...Кубари Танайя, мир праху его, – прошептал Ами.

– ...Кубари Танайя, мир праху его, – произнес секундой позже преподаватель. – Амрит Пейли! Если вы, – подчеркнутое «вы», ну, разумеется, – так хорошо знаете тему, то извольте выступить. Начинайте!

Выскачок никто не любит. Поэтому Ами начал отнюдь не с той фразы, которую преподаватель ждал.

– Исидор Янушович, если вы настаиваете, и если вы так устали, то я охотно помогу вам, – заверил Ами. Группа одобрительно закивала. – Вы тогда пока присядьте, отдохните, расслабьтесь, а я дальше сам.

Преподаватель побагровел от злости, но терять лицо перед учениками ему явно не хотелось. Он отъехал на стуле в сторону, освобождая место для Ами, и уставился на него. В кабинете, разумеется, ярусном (тут все были такие, из-за экономии пространства) наступила тишина.

– В режиме зачёта, – злорадно произнёс Исидор. – Приступайте, Пейли, отчет пойдет опекуну.

– Как вам угодно, – улыбнулся Ами, выходя вперед, и вставая на место преподавателя. – Мы остановились на том, что в 2168 году Кубари Танайя составляет график плавающей активности распределения финансовых потоков, в зависимости от уровня добычи – потоки делятся между населением Сферы, на тот момент ещё не существовавшей, и цивилизацией Самфелаг, которая предоставила нам мощности для строительства. Проект Сфера длился двести с лишним лет, для такого объема работы он был рекордно быстрым.

– Разделение и Первый бунт, пожалуйста, – потребовал Исидор.

– Конечно, – кивнул Ами. – В 2315 году происходит так называемый Первый бунт, в процессе которого население Планеты оказывается разделено на два лагеря, которые теперь

условно называются прогрессорами и регрессорами. Прогрессоры, к которым относимся мы, уходят на Сферу, регрессоры остаются на Планете, и частично закрывают её от остального пространства.

– Идеология бунта, – произнес Исидор.

– Противостояние развития и стагнации, – тут же ответил Ами. – Население Планеты добровольно посадило себя тюрьму, тогда как наши предки остались свободными, и в результате все мы счастливо работаем теперь на Сфере, ни в чем не нуждаясь, и пользуясь всеми благами, предоставляемыми нам цивилизацией Самфелаг.

«Зато там есть река, – подумал он вдруг. – Река, лес, и небо. И, наверное, море, и как бы я хотел увидеть море...»

– Верно, – одобрил Исидор. – Идеология Второго бунта, пожалуйста.

– Планета сочла влияние цивилизации Самфелаг вредоносным, и прекратила контакты с нами полностью, – кивнул Ами.

– Год?

– 2346 год, – уверенно ответил Ами. – Сто пятьдесят один год назад. Полная изоляция Планеты – 2353-58 годы, при содействии цивилизации Самфелаг, цивилизации Стрел, и Звуковых Контролёров. 2359 год – окончательная изоляция Планеты, и последнее сообщение, полученное с неё.

– Текст?

– «Свобода есть внутренний выбор, мы сделали свой, прощайте». Автор неизвестен. Судя по полному отсутствию активности в Пространстве, Планета избрала путь регресса, и чем дальше идёт время, тем больше этот регресс углубляется, – отчеканил Ами.

– Примеры?

– Почти полное отсутствие воздушного сообщения. Снижение активности в городах, над ними теперь гораздо более чистый воздух. Это мы отсюда можем проанализировать. Изменение свечения крупных поселений, наблюдаемое в темное время суток, – принялся перечислять Ами. – Прекращение испытаний различных видов вооружения...

– Они там просто протухли, потому что дураки, – не удержалась Ольга.

Ох уж эта Ольга – Ами досадливо поморщился. Красавица, спору нет. Светловолосая, сероглазая, высокая, а уж формы – как у взрослой женщины, залюбуешься. Вот только дура дурой, к сожалению. Как ляпнет что-нибудь – плакать хочется. Вот как сейчас.

– Планета избрала свой путь развития, и путь этот нам враждебен, – строго произнес Исидор. – Да, мы не видим, что там происходит, под слоем облаков, и не имеем права наблюдать за Планетой с помощью техники, по соглашению, но прошу не забывать, что Планета проявила к нам недобрые намерения, и, следовательно, она – наш враг. Безоговорочно, и точка.

– Ага, враг, – хихикнула Ольга. – С каменной дубинкой... чего они нам сделают, недоразвитые?

– Мы не знаем, – покачал головой Исидор. – Они опасны, поэтому предполагать можно что угодно. К тому же, девочка, дубинки не бывают каменными. Они деревянные.

– Понятия не имею, что это такое, – Ольга дернула плечом. – Ну, не бывают. Но всё равно, они там тупые. Корабли не строят, никуда не летают, машины тоже не строят. Пешком, что ли, ходят?

– Не корабли, а самолеты! – рявкнул Исидор, теряя терпение. – Амрит, сядь. Зачёт. Ольга, через декаду пересдашь. Стыдно, просто стыдно, девушка...

– А чего такого? – удивилась Ольга. – Как будто этого всего в сети нет, и как будто нам это хоть раз в жизни пригодится. Зачем это заучивать?

– Затем, чтобы не опуститься до уровня жителей Планеты, – ловко поддел её не растерявшийся Исидор. – Или ты хочешь, чтобы в один прекрасный день тебя тоже кто-то назвал

дурой? Нет? Вот если нет, будь добра заучить. Не позорься сама, и не позорь меня, девочка. И чтобы я больше такого не слышал!

Ольга, зло прищурившись, глянула на преподавателя, но того взглядом было не напугать – Исидор, не обращая на неё внимания, просто отвернулся. Ами понял, что на сегодня занятие, видимо, окончено, и пошел к своему месту – надо было хоть на секунду присесть еще раз, чтобы отметить. Система сделает контрольный доклад, и всё, на сегодня он свободен.

* * *

– Если кто-то закончит с Планетой – всё, сразу прибудут, – уверенно произнес Сей. – Ты чего, Ами? Не знал, что ли?

– Да знал, конечно. Просто интересно, пробовал кто-то, или нет? В сети ничего не нашел, – Амрит подсел поближе к Сейу, и тому пришлось придвинуться почти вплотную к Нине, впрочем, та не возражала. Кажется, Сей ей нравится. Может, через пару лет и поженятся, не исключено.

– Пробовали, – Сей понизил голос. – Давно ещё. Мне дед рассказывал. У кого-то там родственники остались, еще по тем годам, вот и пробовали.

– И чего? – так же тихо спросил Ами.

– Догадайся, чего. Казнили. Отвезли на первый радиус, в капсулы сунули, и на Солнце отправили, – шепнул Сей.

– Чего ты несешь такое, – рассердилась Нина. – Не выдумывай.

– А с чего это ты взяла, что я выдумываю? – Сей повернулся, и посмотрел ей прямо в глаза, стараясь сделать свой взгляд мрачным и суровым. – Докажи, что это не так.

– Как, интересно, я буду что-то доказывать, когда ничего такого не было никогда? – рассердилась Нина. – Да ну вас...

– А меня-то за что? – удивился Ами. – Я же только спросил.

– За просто так, – отрезала Нина. – Думаешь, если ты красавчик, всё можно, что ли?

– Да какой красавчик, – Ами смутился. – И почему можно?

– Потому что... ну вас, – Нина встала, гордо вскинула голову, и проследовала к выходу из столовой – Ами на секунду показалось, что она чем-то похожа была в этот момент на Стекланную Герцогиню из визио, в котором рассказывалось о древних королевских родах цивилизации Самфелаг.

– Обиделась, – констатировал Сей. – Сама придумала какую-то чушь, и обиделась. Вечно она так.

– Не, чушь ты придумал, – возразил Ами. – Просто ей что-то не понравилось.

– Это не чушь, и я не придумал, – Сей рассердился. – Давай, доедай, и пойдем, по дороге расскажу...

«Плакало моё свободное время, – с тоской подумал Ами. – Когда же я самолетики прочту? Разве что ночью только если».

– Давай на восьмой радиус как-нибудь сгоняем, покажу, что было, – предложил Сей. – Там эти, пустые ряды стоят, в которых капсулы были для предателей. Про первый радиус я приврал, было дело, с восьмого их отправляли.

– Сей. Ну кончай, – рассердился Ами. – Он в консервации, восьмой, а капсулы вроде бы метеорит повредил, их просто утилизировали. Какие казни, какие предатели, о чем ты?

– Это тебе кто про метеорит сказал? – прищурился Сей.

– Джессика, – пожал плечами Амрит. – А что?

– И ты думаешь, она тебе правду скажет? Как же, – Сей усмехнулся. – Врёт, как все другие. Эти, продажные...

– Какие продажные? – Ами нахмурился.

– Потом расскажу. Когда пойму, что можно. А пока вот чего. Ты же корабль у неё берешь? – Сей не спрашивал, он утверждал. – Ведь берешь?

– Ну... да, – нехотя признался Ами.

– И зачем?

– Покататься, на пространство посмотреть.

– И на Планету, ведь так? – добавил Сей.

– Ну, иногда и на Планету можно, – равнодушно ответил Ами. – Так зачем корабль-то?

– Ты тупой? На восьмой радиус слетаем, покажу тебе, что и как. Сможешь увести корабль-то? Он у твоей тётки быстрый, не то что наше семейное корыто, – Сей вздохнул. – Оно не летает, а тащится.

– Слушай, я попробую, – осторожно ответил Ами. – Но она мне не тётка, а опекун. Это разные вещи.

– Всё равно, – мотнул головой Сей. – Без разницы. В общем, давай так. Попробуй день какой-нибудь для этого выбрать, как её не будет, и смотаемся. Только предупреди заранее.

– Ладно, – сдался Ами. – Попробую.

* * *

Домой он вернулся почти одновременно с Джессикой, и не сказать, что сильно этому факту обрадовался – видеть Джессику сегодня ему не очень хотелось. Во-первых, ему было стыдно за корабль. Во-вторых, она сейчас захочет пообщаться, а он хотел не общаться, а сменить форму на обычную одежду, и побыстрее. В-третьих, Джессика, кажется, снова будет нетрезва, и это не нравилось ему больше всего.

Однако, вопреки его опасениям, Джессика была трезвой, собранной, и, кажется, чем-то слегка встревоженной – однако вскоре Ами понял, что делиться с ним своими тревогами она не собирается.

– Вернулся? – вместо приветствия спросила она, едва заметно улыбнувшись. – Ты сдал тему досрочно?

– Да, так получилось, – Ами улыбнулся в ответ. – Я не нарочно.

– Молодец, – похвалила Джессика. – Иди, переодевайся, сегодня полетим ужинать к Ритерам. Так что оденься поприличнее.

– А можно, я дома останусь? – попросил Ами. Попросил совершенно искренне, Ритеров он терпеть не мог, к тому же там будет Анна, белобрысая мерзкая Анна, которую он не выносил, причем с детства.

– Не в этот раз, – покачала головой Джессика. – Ами, прости, но ты полетишь со мной. Важные переговоры, а я уже пообещала, что буду с воспитанником. Правила хорошего тона, так нужно. Ты же понимаешь.

И она посмотрела на Ами одним из своих взглядов, которых Ами избегал и боялся даже больше, чем Джессики во хмелю, или Джессики сердитой. Она просила сейчас – глазами. Просила так, что отказать было невозможно – от этого взгляда Ами терялся, и с ужасом ощущал, что в душе, да и не только в душе, поднимается сейчас какое-то очень странное и совершенно неправильное чувство, которому уж точно не место между воспитанником и опекуном.

– Хорошо, – кивнул он через силу. – Мне надеть форму?

– Да. Но ту, которая тебе больше нравится, – Джессика уже отвела глаза, и Ами сразу стало легче – потому что порвалась эта невидимая нить, которой он так боялся. – Надень синюю. И церемониальный пояс. Интересно, где до сих пор гуляет Карина? – произнесла она сердито. – Так... понятно, – глянув на визуал, произнесла она. – Опять Терри, будь он неладен. Я же предупреждала: или ты занимаешься своей потенциальной семьёй, или работаешь на меня. Но нет, она старается совместить приятное и доходное.

– Не ругай её, – попросил Ами. – Может, она влюбилась.
– Даже если и влюбилась, приходит надо вовремя, – отрезала Джессика. – Так, ладно. Иди, переодевайся, и вылетаем. У нас полтора часа дорога, заодно отдохнем и поговорим.
– Иду, – Ами вздохнул.
Самолетикам, видимо, предстояло лежать в кармане до ночи.

* * *

Вернулись они поздно, обратно корабль (не тот, который Ами брал утром, другой) вел приятель Джессики, которого звали Рой, и присутствие Роя Ами обрадовало. Нет, любовником Джессики он не был, но Ами знал, что Рой останется до утра, они будут сидеть в малой гостиной, что-то пить, и что-то обсуждать. Тревога Джессики прошла совершенно, переговоры прошли хорошо, и теперь она намеревалась расслабиться в компании старого приятеля – Роя. Ами помнил с самого начала, он уже приходил к ней, когда Ами попал в этот дом. Дом... почему до сих пор жилые блоки принято называть домами, интересно? Они же не отдельные, не обособлены, они квартиры, у кого-то поменьше, как у семьи Сейя, у кого-то – роскошные и большие, как у Джессики, но всё равно, это уж точно не дома. «Странно, – думал Ами. – Живем себе и живем, пользуемся словами, и даже не думаем, что пользуемся на самом деле неправильно. Ну какие у нас тут дома? Это там, на Планете, есть дома. Всякие и разные. Например, детский дом, в котором живут братья – Пол описал его довольно подробно, правда, в письме было столько непонятных слов, что Ами неделю убил, чтобы разобраться, да и то понял не всё. Или – частные дома. Как у этого, как его там... захвоза? захоза? Тьфу, опять буквы спутал. Завхоза, конечно. Грубый мужчина со странным именем. Интересно, если бы кто-то узнал про самолетики, что бы сделали со мной? – Ами нахмурился. – Меня бы... убили? Выбросили в капсуле на Солнце, как предателя? Или сделали бы ещё что-то, много хуже? Ладно, с этим я разберусь, – пообещал он сам себе. – Поскорее бы домой, чтобы прочесть письма».

– О чём хмуришься? – спросил наблюдательная Джессика. Кажется, она умела чувствовать настроение воспитанника, как своё собственное – еще одна причина, по которой Ами в последние полтора года старался её избегать.

– Учёба, – Ами вздохнул. – Осталось три темы, и пять больших опросов. Потом распределение. А потом?..

– А потом ты, наконец, избавишься от моего надзора, и станешь взрослым человеком, – серьёзно ответила Джессика. – Доучишься. Получишь работу. Заведешь семью...

– А если я хочу чего-то иного? – напрямую спросил он.

– Хоти, – Джессика усмехнулась. – В молодости все хотят ни пойми чего. Поверь, Ами, дорогой, лет через пятнадцать ты будешь со смехом вспоминать о своих нынешних желаниях. Так происходит со всеми, так было со мной, так будет с тобой. Правда, Рой?

– Чистая правда, – откликнулся тот. – Твоя патронесса права, Амрит. Она очень умная женщина, и сказала всё верно.

– Ясно, – Ами вздохнул. – Ну что ж, буду становиться взрослым человеком, в таком случае.

– Вот и славно, – одобрила Джессика.

* * *

Глубокой ночью, когда стало окончательно ясно, что Джессика и Рой засели в гостиной надолго, Ами, наконец, решился. Сперва он записал картинку для системы слежения – я сплю – потом загнал картинку в цикл, активировал систему, и лишь после этого открыл, наконец, карман, и вытащил оба самолётника. Снова такая же бумага – серая, неровная, чуть ли не со

щепочками, с грубо оборванными краями, снова – торопливый почерк Пола, и чёткий – Яна. И снова – слова, которые он не знал, и которые только предстояло узнать. Письма Яна было в этот раз совсем коротким, а вот Пол расстарался. Что-то в нём было такое, в Поле... странное что-то. Вроде бы они ровесники, но Пол – словно вечный ребенок, наивный, взбалмошный. Всё на нерве, всё на острие.

– Что такое «крыса»? – шепотом спросил Ами. В комнате висела тишина, крошечный фонарик, которым Ами подсвечивал письмо, не нарушал темноту, а в окно, большое, панорамное, можно было видеть проплывающий над их радиусом корабль цивилизации Самфелаг, длинный, обтекаемой формы, бирюзовой окраски – этот корабль, разумеется, пришел за очередным заказом на энергоблоки. – Ладно, поищу. Играть в крысу. Странно. Будем разбираться...

Глава 4

Морозново. Визит божества

– Да оставь ты этот отчет, ну хватит уже! – рассержено произнес Ри. – Ит, правда, для кого сейчас эта комедия?

– Комедия? – переспросил Ит, захлопывая картонную папку. – Ты говоришь про какие-то комедии? Ты? Который всё это устроил?

– Господи... Слушай, обойдется он пока что без отчета, завтра отдашь. И потом, ты не забыл, что я тут главный? – Ри чуть сбавил тон. – Скажешь ему, что я велел.

– Вот сам и скажешь, – отрезал Ит. – Ничего я ему говорить не буду. Мало мне того, что я этой твари ноги должен мазать по первому требованию, так ещё и говорить с ним про то, что отчет я задержал из-за того, что ваше величество изволило припереться, чтобы учинить мне очередной допрос? Ну уж нет.

– Хорошо, – вымученно согласился Ри. – Скажу сам.

– Вот пойдешь сейчас, и скажи, – с легким злорадством в голосе произнёс Ит. – Сам. Не откладывай. Мне не нужен скандал, мне тут и без того хватает.

– Чего тебе хватает?

– Чего? – Ит хмыкнул. – Например, утром состоялась очередная беседа с воспитателем, который считает нормой душить детей подушкой, если они не спят по команде. Как ты сам считаешь, это вообще как?

– Ну... – Ри немного неуверенно пожал плечами. – Низкая двойка. Случается.

– Угу. Низкая двойка. Регрессировавшая из высокой четверки. И вот такие нормы. Слушай, гений, тебе не кажется, что это несколько слишком? – Ит прищурился. – Ты не переиграл, случаем?

– Нет, не кажется, – отрезал Ри. – И ты ошибаешься, если считаешь, что мне это всё нравится. Не нравится. Совсем не нравится. Но вспомни, пожалуйста, через что прошли Лин и Пятый перед инициацией. Морозново, если сравнивать с третьим предприятием, рай земной. Так что не надо, я выбрал отнюдь не самый худший вариант, и...

– Ой, всё, – Ит зажмурился, тряхнул головой. – Рай земной. Гений, слушать тебя тошно, вот честное слово. И смотреть на этот твой рай – тоже.

– Я тебя не держу, – Ри нахмурился. – Не ты ли рвался в эту программу, и не ты ли проел мне все мозги, чтобы я тебя допустил? А? Ты! Ты, Ит, это был ты, причём ты сам отлично знаешь, как твоя же семья отнеслась к этой твоей идее...

– А не твоя ли ненаглядная женушка поступила точно так же? – прищурился Ит. – Не она ли сидит сейчас на Сфере, причём не первый год, и следит за Амритом? Когда ты последний раз её вообще видел? Знаешь, гений, ты ведь боишься, – заметил Ит. – Ты боишься, что у тебя что-то пойдёт не так, а ведь у тебя всё уже пошло не так, совсем не так, но ты упрямо не хочешь признать очевидное.

– Джесс я видел позавчера, тебе привет, кстати...

– Угу, спасибо, очень признателен, – едко усмехнулся Ит.

– Амрита тоже видел, – продолжил Ри. – И пока что всё идет именно так, как и должно идти. Ну, почти.

– Ладно, – сдался Ит. – Ты надолго?

– На несколько дней. Вы вечером дома?

– Дома, куда мы денемся, – вздохнул Ит. – Ждать тебя в гости?

– Если не прогоните, – Ри вдруг улыбнулся, почти совсем так же, как раньше. Иту от этой улыбки стало грустно – лучше бы её не было. – Коньяку захватить?

- Из Перми? – спросил Ит. – А то местное пойло, сам понимаешь...
- Из Перми? – переспросил Ри. – Издеваешься? Нет, конечно. С Анлиона. Отличный коньяк, не сомневайся. И смородиновый ликёр. Берта такой любит.
- Подлизываешься? – Ит коротко глянул на Ри. – Ты опять?
- Ит, перестань, пожалуйста, – попросил Ри. – Ты же понимаешь, что мы в одной лодке, в любом случае, и поэтому...
- Ага, лодка одна, – согласно кивнул Ит. – Вот только мы сидим на вёслах, а ты вцепился в руль, и делаешь вид, что знаешь, куда нам всем надо. А на самом деле...
- А на самом деле я действительно знаю, куда нам всем надо, нравится тебе это, или нет, – отрезал Ри тоном, не допускающим возражений. – Уж так получилось, прости.
- Не прощу, – покачал головой Ит. – Ты вот чего. Если собираешься к нам в гости, принеси мяса. Потому что мы сегодня мяса не достанем. Никак. День не базарный, блата у нас нет, а в магазине за суповым набором очередь, да и то, когда он в наличии. И если ты не планируешь закусывать свой коньяк кильками в томате, обеспечь горячее. Салат мы сделаем, так уж и быть. Огурцы у нас свои, я вырастил. А на горячее ничего нет. Ты всемогущий? Всемогущий. Вот и действуй.
- И где я возьму мясо? – недоуменно спросил Ри.
- В первый раз, что ли? – округлил глаза Ит. – Ты ж директор этого дурдома. Давай, доставай. Тебе продадут.
- А чем бы вы ужинали, если бы я не приехал? – вдруг сообразил Ри.
- Ит рассмеялся.
- Яичницей с хлебом, – ответил он. – Или ты думаешь, что мы тут мясо каждый день едим, что ли? Или яичницей, или перловкой. Перловка с жареным луком, кстати, тут получается вполне себе сносная.
- Издеваешься, – покачал головой Ри.
- И не думал, – Ит встал, сунул Ри в руки папку с отчетом. – Ладно, так уж и быть. Вот тебе бумажки, иди к этому, и вечером ждём.
- К семи подойду. Перловка, – Ри покачал головой. – Хм. И ведь не врёшь. Ты сейчас не врёшь.
- Да, не вру, – согласно кивнул Ит. – Но ничего, поверь, перловка – это тут меньшее из зол.
- Ты каждый раз мне эти злы... – Ри осекся. – Как будет множественное число от «зло», Ит?
- Ри Торк это будет, – ответил Ит раздраженно. – Слушай, гений, иди уже, а? – попросил он. – Сейчас припрется кто-нибудь, будут потом разговоры. Вечером пообщаемся.
- Хорошо, – сдался Ри. – Пойду добывать мясо.
- Он вздохнул, развернулся, и пошёл к двери.
- Другой разговор, – сказал Ит ему вслед. – И хлеба купи!

* * *

Если бы разговор доктора и директора кто-то слышал, этот кто-то, конечно, сильно бы удивился, потому что визит директора, Самого Директора, был для детдома событием отнюдь не рядовым. За несколько дней до его появления (из Перми, ну а как же) в детдоме начиналась лихорадочная подготовка к этому самому визиту. Спешно отмывалось всё подряд – от вечно загаженной и засиженной мухами столовой, до спален и кабинетов, спешно приводилась в порядок убогая территория, спешно подметалась площадь, и спешно приколачивалось то, что отвалилось, подкрашивалось то, что облупилось, привинчивалось то, что отвинтилось, и зашивалось то, что было дырявое. Детдомовцам под этот визит тоже кое-что перепало –

например, братьям Фламма досталось в этот раз по новой майке, да еще и с рукавами, да еще и цветных, не белых, а Комару с компанией – шикарные, просто шикарные штаны, и не синие, форменные, которые носили все без исключения детдомовцы, а цвета хаки, и на молнии, не на пуговицах. Дело в том, что Комаровой банды побаивался даже завхоз, вот и решил умастить потенциальных агрессоров, выдав им под визит то, что выдавать не планировал в принципе. Что греха таить, одежду завхоз частенько толкал налево, и подобные штаны иногда продавала на базаре его супруга, рублей по десять, а если с торгом, то по восемь. Впрочем, торга почти никогда не было, штаны уходили влёт, достать что-то подобное в Морозново было непросто.

Каждый раз приезд директора обставлялся со всем доступным шиком. Во-первых, собиралась линейка из учеников, неважно, что время было каникулярное. Во-вторых, Фрол Савельич самолично сопровождал директора во время инспекции, параллельно докладывая о спешно изобретенных успехах. В-третьих, после инспекции директор обедал в своём кабинете, в обществе всё того же Фрола Савельича, и была между ними некая конфиденциальная беседа, для чужих ушей не предназначенная. В-четвертых, после обеда директор обходил весь персонал, и беседовал с каждым, от доктора, до завхоза. А потом уезжал в гостиницу, в Морозново, и весь детдом, увидев отъезжающую чёрную директорскую «Двину», коллективно выдыхал – до завтра можно расслабиться. Приезжал директор обычно пять-шесть раз в год, остальное время он руководил детдомом из Перми. По слухам, он не только в этом детдоме был директором. И слава богу, потому что если бы он присутствовал постоянно, весь детдом, скорее всего, быстро бы свихнулся – в первую очередь, от нервного напряжения.

Да, директор был строг, но, к счастью, справедлив: придирки его никогда не были пустыми, если он ругался, то исключительно по делу, зря не трогал никого. Но всё равно, даже самым незапятнанным и послушным становилось не по себе, когда в коридорах детдома имени К.П.Маслова маячила высокая, статная фигура Игоря Терентьевича, обходящего пустые по летнему времени учебные кабинеты, и спешно приведенные в порядок спальни.

Впрочем, визиты директора далеко не всегда имели негативные последствия. Точнее, последствия эти имели несколько странный характер – вроде бы что-то хорошее, но при этом...

Например, если он появлялся под праздники, его присутствие сулило какую-то выгоду, а то и вообще что-то невероятное. Один раз он приехал под Новый Год, и ошалевшие от неожиданности воспитанники получили прямо во время линейки совершенно невиданные подношения – каждому достался апельсин, яблоко, три невероятно вкусные леденцовые конфеты, и, главное, календарик. Причем все календарики были ещё и разные, и за эти календарики шла потом полгода тихая война, в которой, разумеется, победа осталась за тогда еще только набирающей силу бандой Комара. А вот с конфетами вышло не очень хорошо, потому что далеко не все были такие же ушлые, как братья Фламма, и конфеты хорошо спрятать не успели – в результате Коврига обожрался сладким, и доктор промывал ему желудок, а Зот умудрился сломать себе указательный палец, когда играл с кем-то в фантики. В общем, визит директора всегда был предприятием нервным, и особой радости не вызывал, ни у воспитанников, ни у персонала.

* * *

Когда Ри робко сунулся в Бертин кабинет, она подняла глаза от какой-то книги, и недовольно спросила:

– Чего тебе?

– Поговорить, – Ри вошел, и прикрыл за собой дверь.

– О чём? – неприязненно спросила Берта. – Слушай, я занята. Давай вечером.

– И чем ты таким занята? – поинтересовался Ри, усаживаясь на стул, стоявший рядом со столом. – До начала учебного года ещё полтора месяца.

– Не ещё, а всего, – поправила Берта. – Учебным планом занята. У меня две недели. Мы хотели с Итом съездить на море, если ты не забыл, и через две недели у нас отпуск начинается. Поэтому занята я своими прямыми обязанностями.

– А на самом деле? – с легким ехидством спросил Ри.

Берта молча подтолкнула в его сторону книгу и объёмистую тетрадь с записями.

– На, просвещайся, – предложила она. – Гений... Или ты думаешь, что я буду искать тут порталы?

Ри невесело усмехнулся.

– Почему бы и нет? – спросил он. – К тому же их тут не может не быть.

– Ри. Пожалуйста, – Берта сморщила нос, в других обстоятельствах это выглядело бы смешно – но не в эту минуту. – Это уж не смешно, шутка за четыре года устарела. Да, тут будут системы, или тени этих систем, но, поверь, я их искать не собираюсь. И не позволю это делать Иту. И рыжему, когда он приезжает, я тоже этого не позволю, и ты это отлично знаешь. Потому что я здесь по совсем иным причинам, про которые ты тоже отлично знаешь. И...

– Как он? – спросил Ри уже без тени насмешки.

– Тебе интересно, не поехал ли он крышей? – Берта усмехнулась. – Нет, не надейся. И я – тоже нет. Если кто тут и поехал крышей, то не мы, а исключительно ты.

– А вот и нет, – Ри покачал головой. – Ладно, пойду. Учти, вечером я у вас.

– Я догадалась, – Берта вздохнула. – К сожалению, есть нечего. Но если ты согласен на яичницу...

– Я коньяк привез. И твой любимый ликёр, – Ри улыбнулся.

– Под кильки в томате будет в самый раз, – хмыкнула Берта.

– Мне велено достать мяса, – возразил Ри. – Пойду на добычу.

– Как в старые добрые времена, – Берта покивала. – Не старайся, Ри, ты всё сделал, чтобы старых добрых времен больше не было.

– Вечером поговорим, – Ри встал, пододвинул тетрадь и книгу обратно. – Ладно, училка, работай. В семь приду.

– Хлеба купи, – сказала Берта, переворачивая лист в книге. – Огурцы свои...

– Ит уже сказал, – Ри на секунду задержался у двери. – Муж и жена одна Сатана. Слово в слово.

– А что ты хотел? – удивилась Берта. – Можешь сахар взять ещё, если будет. Гренки тогда сладкие сделаю.

– Ну хоть какое-то отличие, – заметил Ри, закрывая за собой дверь.

* * *

Ит и Берта жили в старой части Морознова, в маленькой двухкомнатной квартирке, расположенной на первом этаже ветхого, доживающего своё дома, прозванного в народе «барским» – когда-то, в незапамятные времена этот дом и впрямь принадлежал, скорее всего, кому-то из местной элиты, но стоял он уже пятую сотню лет, был многократно перестроен, и в последние два столетия основательно запущен. Бывшие залы и комнаты этого дома бесчисленное количество раз нарезались и перерезались, пока дом не был окончательно поделен на маленькие и большие квартиры, среди которых преобладали как раз большие, коммунальные, но Берта вовремя подсуетилась, и сумела выкупить отдельную. Пусть на первом этаже, пусть угловую, пусть холодную, но – без соседей. Для Морозново подобное жильё считалось если не шикарным, то близким к тому, поэтому преподавательский состав детдома, например, считали, что доктор с математичкой устроились роскошно. Им не надо стоять каждое утро в очереди в сортир, делить конфорки на плите со скандалистами-соседями, и слушать по ночам, как орут за стенкой в несколько пьяных глоток загостившиеся друзья какой-нибудь Машки,

Глашки, или, еще хуже, Сережки или Петьки. Закрыв дверь – и ни тебе проблем, ни шума, ни очередей за удобствами. Благодать.

Конечно, квартира была более чем скромная, но ни Берту, ни Ита это обстоятельство не смущало. На внешнюю стену «большой» двенадцатиметровой комнаты Ит, например, кинул тепловую панель, которую привёз с собой с Окиста, полы тоже пришлось слегка утеплить, на окна повесили замаскированные под шторы экраны, обеспечивающее тепло зимой и прохладу летом; а в дополнение к убогой газовой плитке Берта, разумеется, прихватила с собой пару кухонных модулей, тоже с Окиста – так готовить гораздо удобнее. Все остальные предметы в квартире остались аутентичные, местные, но Берту и Ита они вполне устраивали. Как-то Берта сказала, что в этом всё есть нечто подзабытое, но бесконечно милое. И диван, скрипучий, с разошедшимся основанием, и шкаф с мутным зеркалом, и шаткий кухонный столик – ей всё нравилось, потому что несло в себе легкий, едва заметный отсвет ностальгии, для неё это было свидание с прошлым, предметы, пусть и совсем немного, грели душу, и вызывали в ней пусть и небольшой, но отклик.

Предметы и квартира да, но вот само Морозново...

Ни Берте, ни Иту тут не нравилось. Ощущение, непонятно откуда идущее, вот что не давало расслабиться ни на секунду, не давало покоя. Вымороченное место, говорила Берта, мало что глушь, так еще и это вот, непонятное... Ит, которому Морозново тоже не нравилось, несколько раз пытался добиться от жены адекватного ответа, но ответить Берта в первый год ничего так и не сумела, то есть она честно пыталась это сделать, но, по её собственному мнению, это было всё не то, и не так, и слова правильные не находились, и мысли путались, и каждый раз она замолкала посреди фразы, глядя на Ита несчастными глазами.

– Не знаю, – говорила она. – Безнадёга какая-то, Ит. Не знаю. У меня впервые в мире Сонма такое чувство. Пустоты какой-то, и полной безнадёги. Здесь словно не хватает чего-то бесконечно важного, но я не могу понять, чего.

Ит, который ощущал примерно то же самое, даже себе не мог объяснить, в чём же дело, но как-то раз он связался с Пятым – вся остальная часть семьи продолжала жить на Окисте – и тот сказал тогда: стагнация, вы не осознаете, что именно чувствуете, но, судя по описанию мира и системы, это стагнация, причём непростая стагнация, могут быть какие-то скрытые процессы, и лучше бы вам там не задерживаться, потому что никому на пользу не идет находиться в этом всё, вы лучше возвращайтесь, Ит, правда, лучше возвращайтесь домой.

Нельзя.

Возвращаться было нельзя. Пока – точно нельзя. Поэтому Берта с Итом продолжали жить в своей «роскошной» квартире, работать в детдоме, и видеть каждое утро за кухонным окном всё те же тощие кусты акации, пару грядок своего мини-огородика, облезлый штaketник палисадника, стену соседнего дома, и угол муорки. И ощущать всё то же, что получилось ощутить в первый день, то, что тут пронизывало всё и вся, и от чего не было, да и не могло быть, спасения.

* * *

– Ит, сходи за сахаром, – попросила Берта.

– А убирать когда? – спросил Ит. Идти ему никуда не хотелось, а хотелось сесть в кресло с чашкой чая, и немного перевести дух. – Он скоро придёт.

– Через два часа – это еще не скоро, – строго сказала Берта. – Ит, ну правда, ну сходи, а? И чего ты тут убирать собрался, скажи на милость?

– Полы неделю не мытые, – напомнил Ит. – А в пыли на шкафу можно будет скоро рассаду выращивать. Что-то мы с тобой всё запустили.

– А смысл распускать? – пожала плечами Берта. – Ну, то есть не запускать? Вот скажи, тебе это надо? Уборки эти все, порядок? Надо?

– Да не особенно, – признался Ит. – Если честно, по фигу. Мы с тобой тут как на вокзале.
– Тут все как на вокзале, – Берта вздохнула. – И все ждут, когда куда-то уедут. Мы с тобой домой, надеюсь. Местные...

– На Крюковское, – продолжил Ит. Крюковским называлось кладбище, расположенное неподалеку от Морознова, рядом с полуразрушенной церковью – еще одним объектом, облюбованным местными мальчишками. – Всё времяка, и всё тлен. Поэтому смысла убирать я не вижу. Но всё равно надо, малыш. Стыдно.

– Надо, значит надо, – пожала плечами Берта. – А за сахаром ты всё равно сходи. Двадцать минут, Ит. А потом уберешь.

– Тогда картошку почисти, – попросил Ит.

– Почистить я могу разве что перловку. Потому что картошки нет, – напомнила Берта.

– Ой, чёрт. Ладно. Куплю сейчас. Давай авоську.

* * *

К моменту, когда в дверь постучал Ри, квартиру всё-таки привели в относительно подобие порядка, Берта сварила принесенную картошку, а Ит разложил «новогодний» утлый стол, который они хранили в сложенном виде за шкафом. Скатерть имелась всего одна, старая, застиранная до серости – когда-то Берта случайно купила её у какой-то бабки «на досочках», да так и оставила. Не нужны им двоим были скатерти, стол доставали пару раз в год, не чаще, а в последний Новый год обошлись и вовсе без него: просто посидели на кухне, послушали куранты по радио, пьяные вопли соседей по подъезду, да и легли спать. Здесь, на этой Земле, праздновать ничего не хотелось. Им двоим – точно не хотелось. Незачем, и не с кем.

– Шёл огородами, вроде никто не видел, – отрапортовал Ри, закрывая за собой дверь. – Привет ещё раз.

– Ну, не видел, и не видел, – покивала Берта. – Разувайся, проходи.

– Разуваться? – с сомнением спросил Ри.

– Да, разуваться, я полы помыл только что, – сказал с кухни Ит. – Тебе это, конечно, всё равно, но...

– Ладно, ладно, разуваюсь, – Ри стащил дорогие лаковые ботинки, и поставил рядом с табуреткой, стоявшей у вешалки. – Берта, держи сумку. Хлеб, мясо, бутылки...

– Сахар, – подсказала Берта.

– Ой, чёрт, я забыл, – Ри с досадой крякнул. – Сходить?

– Не надо, я купил, – отозвался Ит. – Бертик ни секунды не сомневалась, что ты забудешь.

– Так и есть, – кивнула Берта, забирая у Ри пакет. – Что делаем с мясом? Чего ты принес?

– Вырезку свиную принес, давайте пожарим, – предложил Ри. – Это же быстро.

– Давайте, – пожала плечами Берта. – Ит, тащи на стол салат, картошку, а я быстро тогда.

* * *

Странное это получилось застолье – не смотря на то, что на улице было светло, они, конечно, задернули занавески, чтобы с улицы их и не видели, и не слышали проходящие мимо люди. Стол тоже выглядел странно, как-то не очень уместно – огуречный салат, который Берта нарезала на скорую руку, кастрюлька вареной картошки, жареный хлеб, тарелка со свиными медальончиками... Это было из одной реальности, местной, Морозовской, а вот вызывающе-дорогие, глянцево поблескивающие бутылки с нездешним коньяком и ликёром – они прибыли из реальности иной, и выглядели на этом убогом столе чужеродно и неестественно. Всего бутылок оказалось четыре, но на стол Берта поставила только две, ещё две она до поры

унесла на кухню. Ит сбегал в магазин ещё раз, и притащил шесть бутылок сидро – невиданное везенье, и трёхлитровую банку яблочного сока, грязную и пыльную.

Сели. С минуту сидели молча.

– Мясо остынет, – первой нарушила молчание Берта.

– Ну что, по коньяку? – предложил Ри. – Под мясо?

– Наливай, – предложил Ит. – Сам привёз, сам и наливай.

– И налью, – сердито произнёс Ри, откручивая колпачок с бутылки. – А что? Нельзя, что ли?

– Ри, ты от нас что-то хочешь, – произнёс Ит спокойно. – Собственно, мы и так знаем, чего именно ты хочешь. Это вполне естественно. Вот только одного я не понимаю – всей этой твоей игры, цель у которой – сойти запанибрата. Не понимаю, для чего тебе это понадобилось. Застолья вот такие, разговоры...

– Потому что мы в одном проекте, и делаем одну работу, – пожал плечами Ри. – Объяснение не хуже и лучше других.

– После всего, что ты творил годами? После откровенного издевательства в течение полутора лет, после попытки их убить, после тотальной слежки на Окисте, после Берега? После Адоная и Альтеи, после твоих вывертов на Тингле, после трёх лет переговоров, когда ты вёл себя, как последняя сволочь? Ты хочешь что-то вернуть после вот этого всего? – Берта горько вздохнула. – Тебе самому не смешно, гений?

– Нет, – покачал головой Ри. – И... ничего не изменилось, не думай. Не просто так я это всё творил. Вам обоим отлично известна причина.

– Ты мог оставить всё, как ты же сделал сам. Однако теперь ты сидишь здесь, в этом сарае, в нашей компании, и с рюмкой коньяку, которая стоит как десять таких сараев, – напомнил Ит. – Да еще и нам наливаешь этот самый коньяк. Зачем? Тебе самому эта ситуация не кажется, мягко говоря, абсурдной?

– Знаешь, отчасти – да, кажется, – признался Ри. – Но... может быть, я скучаю?

– По чему именно ты скучаешь? По дружбе? После того, как твои подонки зашивали вот ему, – кивок в сторону Ита, – глаза чёрными нитками? Ри, вот правда, о какой дружбе может после такого идти речь?

– Не понимаю, для чего этот разговор сейчас, – Ри нахмурился.

– Чтобы ты сам хотя бы попробовал осознать, что в данный момент чувствуем мы, наверное, – предположил Ит. – Впрочем, коньяк действительно хорош, ликёр тоже, и мясо остывает. А мы не в том положении, чтобы отказываться от такого мяса. Так что давайте действительно выпьем, и ты начнешь допрос, ради которого сюда явился.

* * *

– Как именно? Физиологически? Ну да, изменения есть, но ты учти, что рауф взрослеют медленнее, чем люди. Ненамного, но всё же медленнее. Детей я осматривал полтора месяца назад...

– Сможешь завтра осмотреть? – с интересом спросил Ри.

– Эээ... – Ит задумался. – Не факт. Послезавтра если только. Лето. Они же как горох, который из мешка высыпался, разбредаются, кто куда, многие даже ночевать не приходят. Считай, беспризорники.

– Не убегут? – с тревогой спросил Ри.

– Братья? Нет, – покачал головой Ит. – Некуда. Другие да, порой случается. Но не эти. Сам посуди, куда им бежать? В Пермь? Им там нечего делать. Дальше? Слишком заметные, тут же снимут с поезда, да еще и поколотят в милиции. Не подумай, они умные, и осознают, что бежать им нет никакого смысла, – заверил Ит.

- Ты наблюдаешь? – спросил Ри требовательно. – Что-то новое есть?
- Наблюдаю, насколько это возможно, – Ит пожал плечами. – Могу рассказать.
- Давай сначала решим с осмотром, – предложил Ри. – Завтра ты, получается, всех оповестишь... какую бы причину придумать?
- Ветрянка, – предложила Берта. – В Морозново было за последнее время несколько случаев, вот и подстрахуемся заодно.
- Отлично, – кивнул Ри. – Посмотришь, потом доложишь. А по наблюдениям что?
- Ри, они обычные мальчишки, – Ит вздохнул. – Забитые и зашуганные. Неглупые, добродетельные – с учетом обстановки, разумеется.
- Это хорошо, – заметил Ри.
- Что хорошо? – нахмурилась Берта. – Что забитые и зашуганные?
- Конечно! – Ри кивнул. – Еще один плюс в пользу инициации.
- Я так не думаю, – покачал головой Ит. – Ладно, неважно. Давай по делу. Неглупые, как я уже говорил, в последние полтора года у них очень хорошо пошла математика...
- Берта безмятежно улыбнулась.
- Догадываюсь, почему, – Ри нахмурился. – Не смейте вмешиваться и влиять на эксперимент.
- Никто ни во что не вмешивается, – Берта разом посерьезнела. – Считки могу сдать в любой момент.
- Сдашь. Потом сдашь, – пообещал Ри. – Дальше.
- Лето, – снова напомнил Ит. – Я их только мельком вижу. Несколько дней назад попали под «крысу», сперли у меня из кабинета запчасть от звонка, – Ит усмехнулся. – Но, видимо, принесли мало, сейчас снова ходят побитые.
- А где они ходят? Ты узнавал, чем они в свободное время занимаются? – с интересом спросил Ри.
- Шатаются по окрестностям, – пожал плечами Ит. – Чем тут еще можно заниматься без гроша в кармане, и с постоянным риском? Сам подумай.
- А всё-таки? Можешь конкретнее?
- Конкретнее – что? – удивился Ит. – Где они бывают?
- Ну да, хотя бы.
- Завод, лес, аэродром, река, – принялся перечислять Ит. – Морозново, разумеется, рынок, главная улица. Там же, где и остальные мальчишки, то есть везде, где только можно. Ночевать, кстати, приходят каждую ночь, – добавил он. – В отличие от других из их же группы. Самое проблемное – это рынок, конечно.
- Почему?
- Потому что растущий организм постоянно хочет жрать, – развел руками Ит, – а как тут со жратвой, ты отлично знаешь...
- Лин и Пятый на третьем предприятии были этого лишены, и ничего, выдержали, – напомнил Ри.
- Ну ты сравнил! – Берта рассмеялась. – Во-первых, они были старше, девятнадцать и двадцать лет, соответственно, и до того, как попасть на «трёшку», ели вполне нормально, да и вообще, жизнь на Окисте бедной назвать сложно. Во-вторых, там была неслабая внутренняя основа, которая превалировала над любой жратвой. А эти... Ри, это просто голодные подростки, и не более, без какой бы то ни было идеи или идеологии, подростки, которые в жизни никогда досыта не ели, и которых ты здесь намеренно запер, сам знаешь с какой целью. Мало того, что запер, ты еще в четыре глаза следишь, чтобы мы им не помогли, а только...
- Если ты не согласна на этот вариант, уезжай домой, – твёрдо ответил Ри. – Да, здесь им трудно. Да, жизнь несправедлива. Но это нужно для дела, и только для дела. Ты не хуже меня осведомлена, для какого.

– Хорошо, – сдалась Берта. Отпила маленький глоток ликёра из своей рюмки, и поставила её рядом с тарелкой. – Давай дальше.

– С темой еды понятно, – продолжил Ри. – Теперь о другом. Они хоть как-то себя проявляли?

– Как потенциальный Контроль? – уточнил Ит. Ри кивнул. – Нет. Вообще нет. Никак. Мы миллион раз обсуждали эту тему, и это как раз нормально. Ни ты, Ри, ни мы с рыжим, ни Лин, ни Пятый, ни Ариан до определенного момента себя в этом качестве не проявляли. Совсем. И они тоже не проявляются.

– А что на счет Амрита? – спросила вдруг Берта. – Он...

– Тоже нет, – покачал головой Ри, явно сдаваясь. – Тоже никак. В принципе, ему нравится пространство, он систематически уводит у Джесс яхту, катается, даже в космос открытый выходит, но чтобы хоть что-то от Барда – нет. Он даже к музыке почти равнодушен.

– А вот это странно, – заметил Ит. – Ариан играл, и ещё как.

– Я нет, – напомнил Ри.

– Твой геном корректировал Пятый, – заметил Ит. – И Ариан не хотел, чтобы ты стал Бардом, поэтому Пятый кое-что тогда изменил. А геном Амрита взят из старого образца, его не трогали, и поэтому мне странно, что он не играет. Должен.

– Тем не менее, он не играет. И не поёт. Он... – Ри замялся, досадливо поморщился. – Он какой-то порой слишком образцовый. Слишком правильный. Да, какие-то мальчишеские шалости случаются, но чем дальше, тем реже. Джессика следит за ним постоянно, четыре агента всегда поблизости, и – ничего. Вообще ничего. Максимум – выпьет что-то этакое из запасов катера. Но потом обязательно и опьянение снимет, и продукты распада уберёт. Джесс старательно делает вид, что ничего не замечает.

– А если бы не старалась не замечать, заметила бы, как думаешь? – с интересом спросила Берта.

– Ммм... не уверен, – Ри посерьёзnel. – Он скрытный. Это как раз нормально для подростка. И, знаете, смешно – у одного из агентов, который там играет «старшего друга», он выпросил каким-то образом технологию снятия личин. Использует как раз, чтобы угонять яхту.

– Умный мальчик, – похвалил Ит. – И поспособнее тебя будет, вспомни, сколько ты сам мучился с личинами.

– Да, было дело, – признал очевидное Ри. – Ладно, про него ясно. Вот про братьев... Ит, последи получше, хорошо? Может, они во время своих шатаний чем-то таким всё-таки занимаются?

– Уже следил, – Ит вздохнул. – Нет. Ничего. Дам тебе считки, анализируй сам. Неба им, конечно, тоже хочется, они из тех, кто иногда ходит на аэродром, на поле. В некотором смысле романтика, хотя весьма сомнительная. Потому что ничего там давно нет. Просто поле, посреди которого валяется то, что осталось от самолета.

– А зачем туда ходить? – спросил Ри.

– Смотреть на облака, – пожала плечами Берта. – Мы и сами иногда... ладно, довольно об этом. Наливай, Ри. Наливайте оба себе коньяк, а мне этого ликёра, может, хоть на полчаса удастся забыть о том, во что ты нас втравил.

Глава 5

Братья Фламма. Пиявка в халате

– Док пишет, что надо всем быть, – мрачно сказал Пол. – А я не хочу.

Они стояли в коридоре, у столовой, и разглядывали объявление, в котором на четвертинке старого ватмановского листа твердым подчерком дока сообщалось о том, что воспитанникам надлежит завтра пройти осмотр – в Морозново участились случаи ветряной оспы, поэтому идите и проверьтесь. Ничего необычного в этом объявлении не было, док время от времени подобные проверки устраивал, но Ян сейчас видел, что Пол недоволен, и, кажется, расстроен. Или...

– Надо, значит, будем, – отрезал Ян. – Он хороший, док. Почему не хочешь?

– Самолётик завтра должен появиться, – шепотом сказал Пол, и вздохнул. – Амрит обещал.

Говорили спокойно – в коридоре никого уже не было. Скучный завтрак воспитанники уничтожили в момент, и разбрелись, кто куда, братья же в этот раз задержались, пришли позже, и поэтому ели последними. Да еще и баб Зине помогать пришлось, сгружать тарелки в мойку, и заливать из черного склизкого шланга водой.

– Не пойму я тебя, – покачал головой Ян. – Сходим к доку, а потом пойдем искать. Это же не на целый день, ты чего.

– Ну ладно. Тогда нужно пораньше проскочить, – предложил Пол. – И потом...

– Звонок, – понял Ян. – Слушай, звонок я увёл, а не ты. Боишься?

Пол кивнул.

– Не то чтобы боюсь, противно просто, – признался он. – Зачем мы так...

– Так надо было, – строго ответил Ян. – И потом, звонок на моей совести. Могу даже сказать ему. Извинюсь.

– А если вернуть попросит? – с сомнением спросил Пол.

– Скажу, что потерял, – Ян похлопал себя по карману. – Дырявый. Положил, а потом потерял. И ещё, Пол, уж прости, а чего ты перед баб Зиной не извинился тогда?

– Чего? – не понял Пол.

– Того. Веревку у неё в тот раз ты спёр, – напомнил Ян.

– Ааа... – протянул Пол. – Ну, веревка не баб Зинина, она казенная. А звонок у дока свой. Ну, был свой.

Ян с сомнением посмотрел на брата, тот пожал плечами.

– Не своё, значит, можно тырить, – констатировал он. – А своё нельзя. Пол, ты как Комар, не стыдно?

Пол с досадой покачал головой.

– Не подумал, – признался он. – Чего-то я действительно... но ведь все воруют, – он решил немного развернуть ситуацию. – Завхоз ворует, так? Зам тоже. Баб Зина. Савельич, сука, так и вообще прёт всё подряд, даже мел!

– Ты рассуждаешь, как десятилетний, – Ян рассердился. – Всем можно, значит, и нам можно? Что у тебя в голове, не пойму.

Пол пристыжено молчал. А потом возразил:

– Ну, знаешь. А рынок?

Ян нахмурился. Приободрившийся Пол продолжил.

– Мы на рынок пошли, а зачем? Леску спереть. И до этого... тоже... и не один раз. Я чего-то не догоняю, ты с какой радости вдруг такой правильный-то сделался?

Ян задумался.

– Кажется, до меня стало что-то доходить, – не очень уверенно произнес он после паузы. – Сам не пойму. Словно что-то внутри сломалось. Или наоборот.

– Починилось? – хихикнул Пол.

– Вроде того, – согласился Ян. – Пошли, курнём, а потом к доку.

– Не, наоборот, – помотал головой Пол. – Сперва к доку, а потом курнём. Унюхает, будет орать.

– Да не будет он орать, какое ему дело, – махнул рукой Ян. – Он сам курит. И, знаешь... я, конечно, может и понял что-то такое, но сигареты где брать?

– Вооот, – протянул Пол наставительно.

«Бредовый какой-то разговор, – думал Ян позже, когда они шли к кабинету дока. – Словно мы оба разом с катушек слетели. И чего меня вдруг пропёрло, что воровать нехорошо? Чего я на него взъелся? Всю жизнь воровали, а теперь – нельзя стало? Да что со мной такое?»

Когда подошли к кабинету, обнаружили, что там уже собралась средних размеров очередь, преимущественно из мальков – тех, конечно, привели воспитатели. Выглядели мальки не очень радостно, это и понятно, кому охота сидеть тут, в душном коридоре, да еще и ждать, а потом док будет щупать, совать в рот занозистый деревянный шпатель, что-то спрашивать. Хуже осмотров, по мнению мальков, были только прививки, но отвертеться от дока пока что не удавалось никому. Хотя... док, он был действительно не злой. Строгий порой, это да, но не злой совершенно.

Заметив братьев, мальки оживились – братья у них считались «хорошие». Просто так, забавы ради, подзатыльники не раздавали, еду не отнимали, не мучили. Прикрикнуть могли, замахнуться, если малёк сильно сам наглел – это да, не без того. Но всё-таки прикрикнуть одно, а хлеб или второе отобрать – другое. Будь братья чуть более общительными и контактными, быть им в среде мальков лидерами, но братья на контакт шли не очень охотно, и с мальками общались только по обстоятельствам. Вот как сейчас.

– Ян, чё такое ветрянка? – спросил Стасик, подходя к братьям.

– Болезнь такая, – ответил тот.

– Ветром надувает? – деловито поинтересовался Стасик.

– Нет. Микробы это, – Ян, признаться, и сам толком не знал, от чего бывает ветрянка, но справедливо предположил, что это что-то микробное. Наверное.

– Ага, – глубокомысленно кивнул Стасик. – Микробное. Значит, не ветром.

– Точно не ветром, – подтвердил Пол.

– А пошли с нами в футбол после дока? – предложил Стасик. – Лаврентьич мяч дал, настоящий. Потому что директор.

– Не, не можем, – помотал головой Пол. – Дела у нас.

– Ну, ладно, – Стасик поскущел. – Потом, значит.

– Потом, – подтвердил Пол.

Погонять мяч с малышней они оба были не против, но точно не сегодня. Потому что сегодня – самолётник, а еще Ян утром сказал, что надо поработать над Системой, и Пол тут же согласился что да, надо, Систему они чего-то забросили в последнее время, непорядок.

– Пошли, покурим, – шепнул Ян. – Ждать тут...

– Ага, – кивнул Пол.

Дверь кабинета приоткрылась, и в коридор высунулся док.

– Таааак, – протянул он, оглядывая собравшихся. – Вот чего. Мелкие, давайте по двое, так быстрее отпущу. Фламма, куда? – как раз в этот момент братья примерились было проследовать на выход, но док их маневр тут же раскусил. – Не-не-не, не уходить, ждите. Скоро приму. В городе были?

– Были, – неохотно ответил Ян.

– Ну, были, – подтвердил Пол.

– Тогда тем более сидите, – док осуждающе покачал головой. – В город пока не ходить, остальным передайте потом. Или я сам скажу. Неважно. В город ни ногой, ясно?

– Ясно, – кивнул Пол. – Она чего, такая заразная, ветрянка?

– Вирусные инфекции заразны, да, – подтвердил док. – Так что в город не ходите, при-
тащите сюда эту гадость, мне возись потом.

– Микробы, говоришь? – ехидно спросил Пол, когда дверь за доком закрылась. – А док
сказал, что вирусы.

– Откуда мне-то знать? – Ян рассердился. – Я тебе док, что ли? На биологии у нас про
ветрянку не было. И ты сам не знал.

– Я не знал, и я молчал, – ехидно заметил Пол. – А ты стал выпендриваться перед маль-
ками, что микробы. Лучше бы тоже молчал.

– Ой-ой-ой, какие мы принципиальные, – Ян довольно удачно скопировал голос
Комара. – Какая разница? Они вообще ни про что не знают, ну сказал, и сказал.

...Очередь постепенно уменьшалась – принимал док в этот раз довольно быстро – а новых
воспитанников пока что не пришло, поэтому через какое-то время братья остались в кори-
доре одни. Вскоре из кабинета выскочили двое последних мальков, явно обрадованных, и док
позвал:

– Следующая пара, заходите.

* * *

Пол сел на стул, а Ян остался стоять рядом со столом – еще одного стула в кабинете не
имелось.

– На кушетку сядь, – не поднимая головы от бумаг, приказал док. Он что-то быстро запи-
сывал в объёмистую рабочую тетрадь. – Жалобы есть? Горло, высыпание на коже, температура?

– Не-а, – покачал головой Ян. – Ничего нет.

– Угу, хорошо... – док, наконец, дописал, закрыл тетрадь, выпрямился, и утомленно
потёр глаза кончиками пальцев. – Жалоб нет, это прекрасно. Так... а зачем вы ходили в город? –
вдруг спросил он. – Какое-то дело?

Пол коротко глянул на Яна, во взгляде его скользнула тень тревоги.

– Да так, гуляли, – как можно спокойнее ответил Ян. – А что, нельзя?

– Можно-то можно, но обычно в город ходят по какой-то причине, – в голосе дока зазвучали
вдруг металлические нотки. – Зачем? Что вам там понадобилось?

– Леска понадобилась, – ни с того, ни с сего вдруг решился сказать правду Ян. – Мы...
ну, мы проиграли в крысу. И вот...

– Бывает, – неожиданно сказал док, и вдруг улыбнулся. – За вами вроде бы никого нет?
У меня просто к вам есть пара вопросов, вот и поговорим. Хорошо?

– Хорошо, – несмело кивнул Пол.

* * *

Через несколько минут Ян поймал себя на том, что вспомнил – подобные вопросы док
задавал им и раньше. Странные какие-то вопросы. Например – нравятся ли девочки, и если
да, то какие? Вкусный ли чай дают в столовой? А кофе? А компот? Быстро ли зажили синяки
после последней «крысы»? А что он, Ян, чувствовал, когда Коврига побил на его глазах Пола?
Хотелось дать сдачи, или нет? А в городе вы последний раз что делали, когда искали леску?
Вопросы док задавал быстро, и требовал столь же быстрых ответов – заданный им темп не
давал задуматься, отвечать приходилось слёту, моментально, док не давал им опомниться. Но

Яну опомниться всё-таки удалось, и он, замирая от собственной дерзости, вдруг перебил дока, задав встречный вопрос. Который дока, надо сказать, удивил.

– Итгар Ваганович, а чего вы про это спрашиваете? – произнёс он. – При чём тут ветрянки?

Док пару секунд смотрел на Яна, который, кажется, уже начал жалеть о проявленной смелости, и спокойно ответил.

– Вы не мальки. Да будет тебе известно, Ян, вирусное заболевание вполне можно подцепить, целуясь с девчонкой. Или на базаре, от бабки, которая что-то продает, и у которой болеет внук. Или...

– От Ковриги, когда он бьет колбасой? – с ехидством спросил Пол. Док кивнул. – А на самом деле?

Почувствовав поддержку брата, Ян тоже осмелел.

– Мы чего-то сделали, и вы теперь про это узнать хотите? Ну да, хорошо, ладно, это я спёр звонок, – сказал он. – Только чего ходить вокруг да около, так бы и спросили.

– Хорошо, спрашиваю, – док посерьезнел. – Ты спёр мой звонок?

– Спёр, – Ян опустил голову. – Извините.

– Вернуть не хочешь? – док нахмурился.

– Хочу. Но не могу, потерял, карман дырявый, – Ян продемонстрировал дыру, вывернув карман.

– А зачем? – спросил док с интересом.

– Поменять хотел, на базаре, на сигареты, для этого в город и ходили, – не подумав, ляпнул Ян. И тут же поплатился.

– Врёшь, – тут же ответил док. – Хотел бы поменять, спёр бы целиком. А ты одну чашечку всего свистнул, для чего?

– Ну... себе хотел... – Ян почувствовал, что краснеет. – Красивая.

– Дурак, – беззлобно констатировал док. – Мог бы попросить, я бы чего-нибудь придумал. А так и деталь... пролюбил... и хорошую вещь испортил, – док ткнул пальцем покалеченный звонок, до сих пор стоявший у него на столе. – И мне каждый раз надо теперь орать «заходите». Глупо, Ян. Это было глупо.

– Извините, – еще раз сказал Ян. – Я не подумал.

– В следующий раз просто попроси, – велел док.

– Не, – Ян мотнул головой. – Не буду. Нельзя.

– Почему? – док с интересом прищурился.

– Потому что только мальки просят, – неприязненно произнес Ян. – Взрослые... сами достают.

– Из чужого кабинета, – заметил док. – Достают. Точнее, воруют. Очень взрослый поступок, ну да, конечно.

– Много вы знаете, – неожиданно вступился за брата Пол. – Нельзя просить! Скажут потом – у дока в любимчики попали, – он и не заметил, что ляпнул про «дока», – побьют ещё. Комару только скажи...

– Ясно, – кивнул док. – Но в любом случае, у меня из кабинета чур не воровать. Как вы, кстати, сюда вообще вошли тогда?

– Вы дверь не закрыли, – ответил Ян. – Итгар Ваганович, вы, правда, не понимаете. Но мы это... не будем больше. Ладно.

– Вот и славно, – кивнул док. – С этим ясно. Про другое тогда поговорим, с вашего позволения.

– Про что? – Ян всё надеялся, что из коридора кто-то сунется в кабинет, и попытка вопроса закончится, но в коридоре всё никого не было.

– Про Комара, и про то, что вас снова избили, – док посерьёзnel. – Неужели нельзя было как-то...

– Нельзя, – Ян опустил взгляд. – Да ладно, избили. Нам последний год остался, перейдем в училище, и чего они нам сделают.

– Ты идиот? – спросил док. – А они, по-твоему, куда перейдут? Не в училище? Вам не приходило в голову, что пора уже как-то поставить эту братию на место?

Ян и Пол переглянулись. Да, приходило. И в последнее время Ян то и дело ловил себя на мысли, что может в какой-то момент сорваться, и сделать что-то... что-то такое, о чем даже думать было страшно. Когда Коврига в последний раз бил Пола, у него, Яна, от гнева и едва сдерживаемой ярости темнело в глазах – он чудом удержался тогда. Удержался от чего-то неведомого, тёмной волной поднимавшегося откуда-то изнутри, он и сам, при всём желании не мог осознать, откуда. Но говорить про это доку? Ни в жизни. Ни за что.

– Мы не сможем, наверное, – покачал головой Ян. – Куда нам.

– Тогда поосторожнее, – неожиданно легко ушёл от темы док. – Будьте с ними поосторожнее. Покалечат ещё.

Пол, а за ним и Ян, кивнули.

– И, если что, заходите ко мне, – продолжил док. – Хоть синяки обработаю.

– Ладно, – согласился Ян. Согласился, только чтобы отвертеться как-то от дока, который в этот раз был почему-то ну очень назойлив. Конечно, ни с какими синяками они к доку не пойдут. Никто не ходил.

– Ну всё тогда, свободны, – док снова открыл свою тетрадь, и взял из стаканчика карандаш. – И курите поменьше, – вдруг попросил он. – Это вредно.

– Постараемся, – улыбнулся Пол. Такой совет от дымившего, как паровоз, дока, звучал столь же дико, как прозвучал бы совет не пить от постоянно заливавшего за воротник Лаврентьича. – Не будем много курить.

– Лучше бы вы вообще не курили, – пробормотал док. – Всё, всё, свободны, идите.

* * *

– Вот же пиявка в халате, – сердито произнес Пол, когда они вышли, наконец, из корпуса, и быстрым шагом направились к дороге. – Опять обед из-за него пропустим.

– Самолёт важнее, – Ян вздохнул. – Чего он прицепился, не понимаю. То расскажи, это расскажи. Ох, неспроста.

– Думаешь? – Пол нахмурился. – А зачем он вообще столько спрашивал?

– Чёрт его знает, – ответил помрачневший Ян. – Не нравится мне это. Какой-то он был сегодня очень назойливый.

– Ага, точно, – согласился Пол. – Думаешь, это ему зачем-то надо?

– А то нет. Может, директор велел, – Ян задумался, взъерошил ладонью свои короткие чёрные волосы. – Такое ощущение, что они врагов начали искать.

– Да ладно, – у Пола округлились глаза. – У нас? Здесь?!

– А ты думаешь, их в таких местах не бывает, что ли? – Ян выразительно глянул на небо. – Запросто. Да и мы... чёрт... А если Амрит...

– Амрит живет на Сфере, – Пол задумался. – Но на Сфере не враги, то есть враги там есть, но они не совсем настоящие, настоящие же дальше вроде бы...

– На Сфере те, кто заблуждается, – озвучил общеизвестную истину Ян. – И кто продался. Если Амрит действительно там, то он, видимо, из тех, кто именно продался. Или кого обманули. Неважно. Но ты же понимаешь, если они поймут, – Ян сделал ударение на слове «они», – разбираться не будут. За это сразу...

Он не договорил.

– Но мы же только самолетики кидаем, считай, записки, и вообще ни пойми, кому, – возразил Ян. – И непонятно, как и куда они долетают. Мы же ничего не знаем.

– А им какая разница. Им всё равно, Пол, – Ян вздохнул. – Ладно, пошли искать. И давай ему всё-таки напишем, как хотели. Спросим. Надо спросить. Его ведь тоже могут за такое... сам понимаешь...

* * *

Самолетик искали до темноты, и нашего его в результате Ян, совершенно случайно – видимо, порывом ветра самолетик снесло под неприметный травяной куст, под которым он и застрял. Записка на этот раз была довольно длинная, видимо, у Амрита выдался спокойный день, точнее, спокойная ночь, и он сумел в этот раз написать не несколько невнятных строчек, а довольно-таки развернутое и объемное письмо. Читать письмо решили наверху, на вышке, и заодно – проверить Систему, и хоть немножко, но доработать её. Чашечка разоренного звонка до сих пор ждала своей очереди, и Пол жаждал найти ей в Системе подходящее место.

Солнце уже уходило к горизонту, тени удлинялись, в воздухе повеяло вечерней прохладой – в майках, конечно, стало зябко, но привычные братья на зябкость почти не обратили внимания, да еще и постоянное движение согревало. Сперва долго рыскали по полю, потом, найдя самолетик, бегали пить дождевую воду к врытой зачем-то в землю срезанной трубе, потом наперегонки рванули к вышке – словом, мёрзнуть им было просто некогда. На бегу Пол, как всегда, принялся играть в «грузовой самолет» – стал носиться, раскинув руки, и изображая гудение двигателей, но Ян на него шикнул. Взрослый, мол, парень, а дуришь, как маленький. Пол прекратил, и вскоре они очутились у вышки.

– Полезли? – предложил Пол.

– Погоди, отдышаться дай, – попросил Ян. – Чего-то сегодня забегались.

– Раньше бы пришли, раньше бы нашли, – развел руками Пол. – Всё док, гадюка. Чего то, чего это. Сперва систему, потом читать, да?

– Ага, – кивнул, вставая, Ян. – Полезли.

* * *

Ни одна живая душа в Морозново, кроме братьев Фламма и еще пары отбитых на голову детдомовцев, на вышку не лазила – потому что предприятие это было поистине самоубийственное. Лестница внутри вышки сохранилась лишь частично, фрагментами, и поднималась высоко, этажей на восемь, если считать, как считают этажи в жилых домах. Братья, однако, еще пару лет назад наловчились эту самую лестницу преодолевать если не с легкостью, то достаточно спокойно, и, главное, быстро. И почти без риска: если знаешь маршрут, риск действительно сводится к минимуму.

Первым лез Пол, а Ян, по обыкновению, страховал – как-то так повелось, что старший брат всегда страховал младшего. Боялся ли он в такие моменты за Пола? Конечно. И боялся, и отдавал себе отчет в том, что это риск, и в том, что они делают сейчас не совсем правильную вещь. Но – вышка была для них двоих чем-то большим, не просто убежищем, и не просто местом, где можно было пересидеть неприятности. Чем-то ещё. Чем-то, для чего ни Пол, ни Ян пока что не придумали названия.

И, да, сейчас, летом, лезть было гораздо легче, чем зимой или весной. Лето и осень были для вышки в самый раз.

– Так, и куда его? – спросил Пол, когда они очутились на полу бывшего наблюдательного зала. Зал когда-то был поделен на отсеки, и видно из него было всё поле, но от отсеков

давно уже ничего не осталось, а поле, постепенно зарастающее травой, пусть и хорошо видимое, большого интереса не вызывало. – Повыше?

– Дай подумаю, – Ян отобрал у брата украденную у доктора чашечку, и принялся вертеть в руках. – Да, повыше. Желтый же.

– А, ну точно, – кивнул Пол. – Повыше тогда, и...

– И справа, – как нечто само собой разумеющееся закончил Ян. – Отойди влево, сейчас я им там звякну.

Он забрался на обломок какого-то то ли прибора, то ли большого шкафа, встал на цыпочки, и пристроил чашечку на раму одного из уцелевших панорамных окон. А потом шелкнул по ней ногтем, и повернулся к брату.

– Слабо совсем, – покачал головой Пол. – Чуть-чуть ветер был, и всё. Но работает.

– Значит, мало, – Ян прыгнул вниз. – Что бы ещё придумать?

– Знать бы ещё, что мы придумываем, – вздохнул Пол. – Вот ты это знаешь?

– Нет, – покачал головой Ян. – А ты?

– И я нет, – признал очевидное Пол. – Давай читать?

– Давай, только вслух, – попросил Ян.

Уже почти стемнело, но для братьев темнота была скорее похожа на вечерний сумрак – в темноте они видели почему-то хорошо, лучше остальных. Один из воспитателей, еще когда братья были совсем мальками, водил их к тогдашней докторице (дока еще было, в детдоме работала в тот период докторица, мерзкая, надо сказать, баба), и докторица, осмотрев мальчишек, заявила, что это у них, видимо, такая особенность развития, и не более того. Ну особенность и особенность – братья быстро сообразили, что эта самая особенность дает им в некоторых случаях исключительно преимущества, и порой ею пользовались, но чтобы хвастаться кому-то – ни за что. Ни Пол, ни, тем более, Ян такие вещи давно не афишировали. «Будь как все, не выделяйся» – вот что они четко осознавали, и какому правилу следовали. Выделишься – непременно огребешь. Не высывайся. Не выдавай себя.

А особенности были, ох и были. Оба брата, например, оказались гораздо более гибкими, чем остальные мальчишки в их группе, отлично бегали, и великолепно видели вдаль. Например, вторую звезду в левом отрезке созвездия Пентакль оба различали без проблем, а, по слухам, в стародавние времена лучников в отряды именно так и набирали: видишь, что одна из звезд Пентакля двойная, значит, зрение хорошее, сможешь стрелять из лука. Но чтобы говорить? Нет. Нет и нет. Конечно, способность Пола к рисованию утаить не удалось, но эта способность братьям мало мешала, скорее, наоборот, помогала порой. Гораздо приятнее рисовать стенгазету, чем тухнуть на уроке труда или географии. Братья обычно делили обязанности: Пол рисовал, Ян раскрашивал...

– Чего он там пишет? – с интересом спросил Ян.

– Сейчас, – Пол примостился на каком обломке, и бережно развернул самолетик. – Ага... Угу... Так...

– Долго ты будешь агакать? – сердито спросил Ян. Нарочито сердито – потому что сейчас он стоял поодаль, и смотрел на брата. И чувствовал... не передать, что он чувствовал. Пол, внимательно всматривающийся в строчки, выглядел моложе своих лет, в эти мгновения он стал трогательным и беззащитным, он хмурился, шевелил губами, и, наконец, подняв голову, произнес:

– Знаешь, он пишет о свободе. Странно. И... тут много непонятно, Ян. Например, он пишет, что мы с тобой свободнее, чем он. Слушай. *«Наверное, это выглядит дико, но я, думая о вас, ощущаю себя узником, который о том, что для вас – обыденность, даже никогда и не мечтал. Хотя нет, вру, мечтал. Например, я мечтал и мечтаю увидеть реку. Вы писали про реку, я после этого смотрел много визио, но это всё, конечно, не то. Получив ваше письмо, я полночи думал, чем пахнет река...»* Ох, Амрит, лучше тебе не знать, чем она пахнет, – усмех-

нулся Пол. – Хотя, если выше по течению пройти, то вполне приятный запах, – тут же поправил он сам себя. – Водой, тиной, водорослями. Нормально.

– Что там ещё? – спросил Ян, которому рассуждения Пола о том, чем пахнет река, уже надоели.

– Про свободу, говорю же. *«Вы гораздо свободнее, чем я, это я точно понял. Чем старше я становлюсь, тем сильнее ощущаю со всех сторон давление, которое, кажется, вызывает неприязнь исключительно у меня, ни у кого больше. У нас ведь техника даже выражение лиц распознает, если огорчишься, тут же пойдет сообщение опекуние, что, мол, воспитанник в печали. Представляете? То-то и оно. И приходится ходить всё время с тупой улыбкой, чтобы не попасть под мониторинг, а ведь он почти везде. Хорошо, что я научился немножко снимать лица, можно снять с себя же, и ходить потом, как хочется, а обманка будет улыбаться за тебя».* Ничего не понял, – признался Пол. – Какая обманка, и чего такое мониторинг?

– Кажется, за ним следят. То есть за ними следят, – Ян задумался. – Или там вообще за всеми следят. Видимо, так.

– Ну и что, тут будто не следят, – хмыкнул Пол, впрочем, не очень весело. – Тоже следят. И ещё как.

– Там, видимо, сильнее, чем у нас, – покачал головой Ян. – Дальше.

– Сейчас. Так... А, вот. *«Это очень гнусная жизнь. Я недавно читал Джека Лондона, и меня поразила одна его мысль, на первый взгляд, очень простая. Вот эта цитата, „Пусть лучше я буду ярчайшим метеором, чем вечной, но сонной планетой...“ Та жизнь, которую предлагают мне сейчас, сделает из меня эту самую сонную, унылую планету, у которой всё распланировано от и до, всё заранее поделено, предопределено, отмерено, и у которой нет шансов стать... чем-то большим, подняться над обыденностью, и достичь чего-то действительно стоящего. Или хотя бы увидеть реку. Или море. Надеюсь, я написал понятно. Заканчиваю, сейчас придет Джессика, смотреть, чем я тут занят, а мне вовсе не хочется спалиться. Пока, до следующего самолёта. Амрит».* О, смотри-ка, он слово «спалиться» правильно выучил, – обрадовался Пол. – И даже использовал где надо.

– Погоди. Кого он читал? – нахмурился Ян. – Джека...

– Лондона. Хм, странно. Как город.

– Да, действительно, как город, – согласился Ян. – Никогда про такого автора не слышал. Надо почитать, – решил он. – Если его на Сфере читают, тут тоже про него должны знать. Хотя... – Ян задумался. – Может, это их автор. Или запрещенка. Тогда мы почитать не сможем.

– В программе такого точно нет, – со знанием дела заметил Пол. – Программа...

– Программу мы давно прочитали, – закончил за него Ян. – Хоть и скучно. А этого... Джека... я бы прочёл.

– Почему?

– Мысль понравилась, – признался Ян. – Про планету. И про метеор. Мы ведь тоже, если задуматься... так же... – он вздохнул. – У нас тоже всё определено. Масловка, училище, лесопилка. И... я тоже бы хотел увидеть море. Но мы с тобой его никогда, наверное, не увидим.

– Это да, – согласился Пол. – Давай ему про это напишем?

– Давай, конечно, – кивнул Ян. – Сейчас, бумагу притащу.

Кража бумаги была, пожалуй, самым ярким эпизодом этой весны, ведь крали не у кого-то, а у самого Фрола Савельича, да еще из кабинета, да еще среди бела дня, во время занятий. Филигранная получилась операция. Сперва Пол отпросился в туалет во время урока химии. Химичка, как всегда, отжигала – перепутала все формулы, велела им читать параграф, а сама засела листать журнал «Селянка», причем, разумеется, больше всего её интересовал раздел про моду. В общем, Пол вынес хорошую такую стопку бумаги, и спрятал в туалете, а потом Ян, который отпросился вторым, перетащил эту стопку на чердак. Химичке, конечно, их хождения были по фигу. В общем, забрали они бумагу с чердака уже ночью, а потом, утром, сумели

перетащить на вышку, и спрятать уже там. Удивительно, но за эту кражу им обоим почему-то не было стыдно, наоборот, воспоминания о ней вызывали довольные ухмылки.

– Так, сейчас ты пишешь, потом я, – решительно произнёс Ян. – Спроси его про эти, как их, мониторинги, для чего это, и кто это делает. И про реку напиши, что она рекой пахнет. И не пиши, что за сливом она воняет говном! – предостерег он.

– Почему? – удивился Пол. – И впрямь же воняет.

– Вот ты дурак, – Ян рассердился. – Человек мечтает. О свободе. О речке. О лете, наверное. А ты ему про говно. Не надо, что тут непонятного.

– А, ну тогда ладно, – кивнул Пол. – Ты про что будешь писать, чтобы нам не повторяться?

– Спрошу про этого самого Джека Лондона, – ответил Ян. – Хочу понять, наш он, или вражеский, оттуда, со Сферы. Если наш, то я бы почитал.

– Я бы тоже, – Пол вздохнул. – Интересно, наверное. Он же сам, не по приказу, читал. Ему понравилось. Может, и нам тоже...

– И я про что. Ладно, давай, пиши быстрее, запускаем, и пошли, может, баб Зина нам хоть чаю с хлебом оставила.

Глава 6

Ит Соградо и другие. Отбытие божества

– Нет, я, конечно, понимаю твою гениальную идею – доказать с помощью этой модели, что Сэфес и рауф примитивное быдло, а человек и Брад венец творения, но...

– Что за чушь ты несешь!!! Условия я создавал, исходя из особенностей, которые есть у этих материалов, и из того, что мы еще много лет назад выяснили, анализируя считки предыдущих пар! – Ри уже орал, но, кажется, пока что сам не осознал этого. – Сколько лет было потрачено на Терре-ноль на эту работу, ты забыл?

– Можно потише? – попросила Берта. – У меня в ушах звенит.

– Что? – Ри опомнился, и сбавил тон. – Прости. В общем, и для моей копии, и для ваших создавались условия, идеально подходящие для последующей инициации. Да, непростые условия. Но при этом...

– Погоди-погоди, – попросил Ит. – Давай начнем с того, что условия ты не создавал, этот мир, по твоим же словам, предложил в качестве полигона Адонай, который дал по нему благоприятный прогноз. Куда ты дел остальных, ты не говоришь.

– И не скажу, до срока, – с раздражением ответил Ри. – Вам вполне достаточно этих.

– Тебе достаточно, – поправила Берта. – Что ты задумал вообще? Только честно. Мне, знаешь, за четыре года твои экивоки и намёки порядком надоели.

– А ты сама не догадалась, что я задумал? – Ри прищурился. – Или Альтея не выдала адекватный прогноз, потому что не хватило вводных?

– Альтея выдала прогноз, и он не столь благоприятный, как у Адоная, – пожала плечами Берта. – А то ты не в курсе.

– Ну, предположим, в курсе я лишь отчасти, – задумчиво произнес Ри. – Хочешь обмен? Информация на информацию.

– Нет, не хочу, – покачала головой Берта.

– А если я приду и возьму?

– Ну, возьми, – Берта снова пожала плечами. – Всемогутр. Если ты говоришь «приду и возьму», то почему ты до сих пор не пришел?

– Решил играть честно, – поддел её Ри, но тут же пожалел о сказанном.

– Честно? – Берта в веселом удивлении вздернула брови. – Правда? Неужели? Тогда ты должен будешь нам рассказать, что ты сделал с остальными. Или, хотя бы, что вообще происходит.

– Вы оба сидите здесь, и не понимаете, что происходит? – Ри посерьезнел. – Знаете, а ведь я тоже не понимаю. По нашим расчетам они должны уже подойти к порогу инициации. Все трое. Но...

– Но они не подошли, – кивнул Ит. – Даже близко. Это мы тоже видим. По крайней мере, по нашим мальчишкам. Тут нет ничего про инициацию. Скорее уж наоборот.

– Возраст, вероятно, – Ри задумался. – Или ещё какие-то факторы, о которых я пока не знаю.

– Образование, например, – подсказала Берта. – Лин и Пятый к моменту инициации были образованы не в пример лучше. А здесь, уж прости за прямоту, но мальчишки загнаны в информационный тупик, из которого выхода вообще нет. Да, программу они читают, что есть, то есть. Не очень охотно, но читают. Это при том, что в программе нет ничего, кроме псевдопатриотической белиберды, от которой нормального человека начинает тошнить через полчаса после начала чтения. Библиотека? Там то же самое, но вне программы. И – про это тебе тоже известно – это уже законы и самой планеты, и страны, точнее, стран, потому что везде одно

и то же, просто в разных обертках. Законы о вредном влиянии, о воздействии на юные умы, о негативной информации, и прочее, прочее, прочее. От промытых мозгов братьев спасает исключительно лень, в том числе эмоциональная. Они не воспринимают подобные «правильные» книги, – Берта сделала ударение на слове «правильные», – как нечто, способное вызвать маломальский эмоциональный отклик. Да эти книги и не способны на такое, они могут вызвать разве что отвращение.

– С этим я ничего не могу сделать, – покачал головой Ри. – Нам и так пошли на уступки, позволив разместить здесь часть проекта, и даже я...

– Не прибеждайся, – Ит тяжело вздохнул. – Кто бы мог тебе запретить.

– Могут. Если всё по делу, то вполне могут, – отрезал Ри. – И я ничего не имею против, потому что это как раз правильно: я уважаю такой подход, и такой настрой. Ситуация в этой системе действительно далека от стандартной, поэтому подобные решения я только поддерживаю.

– Ага, хорошо, – покивала Берта. – А с парнями как прикажешь быть? Они прочитали Багрицкого, «Юности моей порыв», потом их перестало тошнить, и они что? Правильно. Усвистали шляться по окрестностям, потому что ничего другого тут делать просто нельзя. Кино? Там то же самое. Если для взрослых, то слегка с романтикой. Марии Львовне, правда, и этого хватает, – Берта невесело усмехнулась. – Человек, он, знаешь ли, любит размножаться.

– И болеть молочницей, – со вздохом добавил Ит. – Так что? Идеи какие-то у тебя есть?

– На счет Амрита есть, он читает много и охотно, – Ри задумался. – А вот эти... я подумую. Правда. Если инициировать не всех троих, а только его одного, это будет лишено смысла.

– Как ты заговорил, – заметила Берта. – Что же ты так не говорил, когда шил моим мужьям веки чёрными нитками², а, гений? Тогда ты решил, что тебя, единственного и неповторимого, вполне хватит, а теперь...

– Боже, как же ты достала меня с этими нитками! – взорвался Ри. – Ну сколько лет это будет продолжаться, а?

– Сколько нужно, – отрезала Берта. – Не нравится? А нам с Фэбом это тогда понравилось, как ты думаешь?

– Всё, хватит, – Ри встал. – Сказал, подумаю, значит, подумаю. Через пару месяцев снова загляну. Коньяк братъ?

– Бери, – равнодушно ответил Ит. – Хороший коньяк. В нашей поднадзорной палате такое нечасто встретишь.

– И ликёр тоже бери, – добавила Берта. – И привези мне, наконец, нормальные туфли, я же просила.

– Прости, забыл, – Ри улыбнулся. – Привезу. И сапоги привезу, на зиму. Ит, тебе чего-то надо?

– Сказал бы я тебе, чего мне надо, но ты на это не согласишься. Ничего. Коньяком обойдусь.

– Ладно, – кивнул Ри. – Давайте прощаться, мне еще до корабля через лес, и вообще...

– Ну, пока, – Ит невесело улыбнулся.

– Пока-пока, – поддержала мужа Берта.

– Если что, вызывайте, – напомнил Ри.

– Обязательно.

² Отсылка к романам «Звёзды Берега» и «Архэ», довольно страшный эпизод. Но, дорогой читатель, давай без спойлеров.

* * *

Когда дверь за Ри закрылась, Берта выразительно глянула на Ита, но тот в ответ лишь поморщился. Встал, прошелся по комнате, смахивая по пути прослушку, которую, разумеется, Ри раскидал ещё во время их посиделок там и сям. С прослушкой – это была такая своеобразная игра, потому что Ит знал, что прослушку Ри раскидает, а Ри знал, что Ит её тут же снимет. Берта недоумевала – зачем вы это делаете? Ит же как-то пояснил, что это попытка Ри напомнить, кто есть кто, и попытка Ита объяснить, что доказывать что-то гений будет только на своей территории.

– Теперь он будет от нас требовать, чтобы мы их довели до инициации, – с грустью заметила Берта. – Вопрос только, как.

– И зачем, – добавил Ит. Смял в пальцах последнюю «нитку» (Ри идиот, положил «нитку» на видное место, да еще и синюю, по цвету к покрывалу, на которое положил, вообще неподходящую), кинул на пол. – Я этого делать не хочу.

– Я тоже, – кивнула Берта. – Читать... у меня зубы сводит от того, что они здесь читают.

– Не очень понимаю, как может технически выглядеть сведение зубов, но читают дрянь, – согласился Ит. – И, главное, ничего другого же нет! Не осталось! Ты в библиотеке была, и не раз, вот скажи, там хоть что-то стоящее есть?

– Любовные романы в разделе 21 плюс, и это в городской, – ответила Берта. – Ты же знаешь, зачем спросил?

– Это был риторический вопрос, – Ит подошел в двери, прислушался. – Соседи, чтоб их. Так вот, о чем я. Дело не только и не столько в чтении, малыш. Проблема серьезней, чем он думает.

– Ты о чём? – не поняла Берта.

– Да о том, что ни не люди – хорошо, это он понял, и слегка осознал глубину различий, но он не понял главного. Ты догадалась, чего именно он боится?

– Если честно, нет, – Берта покачала головой.

– Берсерк, – объяснил Ит. – Он боится, что братья в какой-то момент слетят с катушек. И небезосновательно он этого боится, я тоже боюсь. Но вот о другом он не догадывается. Или делает вид, что не догадывается.

– Так о чём?

– Да о том, что они – гермо, дорогая, пусть и частично, – вздохнул Ит. – А это, как ты понимаешь, не только берсерком характеризуется. А много чем ещё. Помимо улетевшей крыши и агрессии.

– Ах, вот ты о чём, – Берта помрачнела. – Да... вообще да, ты прав. Берсерка я тоже боюсь, – призналась она. – Особенно в свете Комара и его бандитов. Добром это не кончится.

– Ну, Пятый с Лином до этого так и не дошли, – напомнил Ит.

– У них много лет гормональный фон подавляли, – возразила Берта. – У этих нет.

– Да, у этих нет, – согласился с женой Ит. – Вот чего. На днях свяжусь с Пятым, кое-что спрошу. Надеюсь, не получится как в прошлый раз.

– Это когда они аргов гоняли, а ты вызывать стал? – Берта усмехнулась. – Да, немного несвоевременно тогда это получилось, что правда, то правда.

– В общем, попробую, – подытожил Ит. – Действовать страшно, но придётся.

– А я бы вообще ничего не делала, – заметила Берта. – Пусть бы они прожили... просто так. Как есть. Это всё-таки лучше, чем то, что предлагает гений.

– Не факт, – покачал головой Ит. – Так, ладно. Чего у нас на обед?

– Пока что у нас на обед только чай, потому что гений нас заболтал, и мы не сходили в магазин.

– Собирайся, пойдём, – велел Ит. – Хочу супа с клёцками.
– Верно мыслишь, – Берта встала. – Только суп будет вегетарианский, потому что варить бульон некогда и не из чего.

* * *

Слух о том, что директор изволили уехать, разлетелся по детдому с быстротой поистине феноменальной. Причиной тому стала попытка Лаврентьича отобрать у Комара модные штаны, но завхозу быстро доказали, что не он тут власть, а те, кого больше, и кто наглее, и после кирпича, прилетевшего с крыши, и разбившегося у ног ошалевшего завхоза на мелкие осколки, Лаврентьич с мыслью вернуть обратно имущество расстался. Мяч у мальков он, конечно, отобрал, а вот братья Фламма изрядно удивили, потому что успели обменять майки на сигареты, а сигареты надёжно спрятать. Ни угрозы, ни увещевания не помогли: братья молчали, как партизаны, и не сказали в результате вообще ничего. К их счастью, дело обошлось парой затрещин от Лаврентьича, но это было всё, потому что директор оставил несколько указаний, и всем велено было исполнять, иначе Фрол Савельич обозлится.

Указания были не ахти какие сложные: мойка окон в столовой, мелкий ремонт коек в паре спален, разборка архива в библиотеке, починка разваливающихся качелей (то-то радости будет малькам), обрезка кустов во дворе, и помывка стен в учебном крыле. Фрол Савельич на следующее утро после того, как директор уехал, собрал воспитанников на линейку, и принялся раздавать задания, от которых отвертеться не удалось даже Комарову и его банде – сопящим от злости Комару, Ковриге, и Зоту вручили тряпки, и отправили мыть коридор.

– Так, – Фрол Савельич оглядел притихших воспитанников. – Младшая группа... младшая группа у нас пойдёт мыть столовую. Но не окна. Окна будут мыть... эээ... Артёмов, Коржиков, Фильченко. Копейкин, Петров, оба Фламма – в библиотеку. Остальные – стричь кусты.

– Фрол Савельич, а чем стричь-то? – робко спросил кто-то из дальнего ряда.

– Руками, – отрезал Фрол Савельич. – Ломать будете, руками. Но аккуратно. Лаврентьич, проследи. И качели сделай.

– А как я прослежу-то? – принялся отнекиваться завхоз. – Я при качелях, а они в это время того... а я...

– Качели рядом с кустами, – рявкнул замдиректора. – Еще препираться мне вздумал! Вот так и проследи.

– А толстые ветки как? – спросил кто-то ещё.

– Лаврентьич, есть у тебя секатор? Есть же, я видел, – Фрол Савельич на секунду задумался. – Только держи при себе, а иначе сопрут. Так, дальше что у нас?

– Ремонт коек, – напомнила Берта.

– Да, спасибо, Роберта Михайловна, – кивнул замдиректора. – Педагоги, кто может сделать?

– Я не педагог, но могу, – ответил Ит. – Если будут болты, конечно. И пружины запасные, на замену.

– Лаврентьич, что на счет болтов и пружин? – повернулся к завхозу замдиректора.

– Ну, это... поищу, – Лаврентьич замялся. – Но чего-то болтов-то не привезли... но я поищу...

«Пустил налево, – тут же понял Ит. – Или Маруся на базаре продала. Ладно, придумаю что-нибудь. Вот только гайки где взять?»

– Лаврентьич, а гайки хоть есть? – спросил Ит. – И плашки? А то без ничего я не почию.

– Есть лерки, есть, – закивал тут же завхоз. – Найду. И гайки найду, только старые они, маслом их надо будет...

«Понятно, – Ит усмехнулся. – Хорошие новые гайки ты продал, а старые набрал на заводе. Молодец. Хочешь жить, умей вертеться».

– Ну, тогда ладно, – ободряюще улыбнулся Ит.

– Всем за работу, – приказал Фрол Савельич. – И, дети, – он зло прищурился. – Если вы, дети, что-то поломаете или испортите, останетесь без ужина. И без завтрака. Комаров, ты понял? Попробуй мне только...

* * *

К разбору завала в дальней части библиотеки подошли творчески – для начала кучи пыльных книг просто свалили на пол, вытащив со стеллажей, на которых они лежали в полнейшем беспорядке. Библиотекарша, старенькая, слепенькая Леокадия Петровна, летом навевывалась на своё рабочее место трижды в неделю, и сверяла обычно исключительно ту часть библиотечного зала, в которой стояли учебники, в дальнюю же часть зала она, кажется, за несколько лет просто ни разу даже не заходила. По крайней мере, её в этой дальней части никто ни разу не видел. Обычно она сидела за своим столом рядом с входом, подсказывала ученикам, где что лежит, и вписывала в формуляры то, что требовалось, но не более. На состояние книг ей было плевать. Как, впрочем, и всем другим в Масловке. В результате учебники, старые, истасканные, имели вид настолько непрезентабельный, что их порой противно было взять в руки. Новые книги замдиректора почти не заказывал, справедливо считая, что для будущих лесорубов и замесчиков сойдёт и так. Никто не возражал.

– Фу, пылища, – поморщился Пол, когда их маленькая команда освободила, наконец, последний стеллаж. – А воняет...

– Мыши, – сообщил очевидное Петров. Он был на год младше братьев, тоже хлюпик, и (это было самое скверное) Петров носил очки – для Масловки штука вообще запредельная. Из-за этих очков Петрову прилетало едва ли не чаще, чем братьям.

– Точно, мыши, – покивал Копейкин. – Небось, давно всё тут сожрали уже, чего тут разбирать?

Копейкин был увалень, лентяй, и в принципе человек недалекий. Ростом и шириной плеч мироздание его не обидело, и, будь он позлее и поактивнее, Комар бы точно зазвал Копейку в свою банду, но для банды парень оказался слишком флегматичен и ленив. Ходит куда-то, делать что-то, бить кого-то? Вот ещё. Да ни за что на свете. Пусть кто хочет, делает, чего хочет, а Гриша лучше поваляется или посидит, где тихо. В тенечке – летом, в тепле – зимой. Если с едой, так и вообще хорошо. Когда Комар с год назад попытался завербовать Копейку, он получил от рассердившегося потенциального соратника промеж глаз – одного раза Комару хватило, чтобы, во-первых, никуда Копейку больше не звать, и, во-вторых, чтобы не привлекать этого ленивого силача к игре в крысу.

– Или съели, или прочитали, – заметил Пол. – Здешние мыши должны уметь читать. Не, разобрать надо, иначе от Фрола влетит. Вот только как?

Ян задумчиво посмотрел на книжный Монблан, вытащил какой-то том, открыл.

– «Руководство по эксплуатации и обслуживанию сучкорезного станка СКСт-153», – прочитал он. – Ни фигя себе книжечка! Такой, если по башке стукнуть, убить можно, – он подкинул книгу на ладони, в воздух поднялось пыльное облачко, и Пол, стоявший рядом, чихнул.

– Большая, – подтвердил Петров. – И куда её?

– Давайте просто рассуём, куда получится, – предложил Копейкин. – Какая разница?

– Не, Фрол же сказал разобрать, – Ян задумался. Отложил книгу в сторону, вытащил следующую. – О, тоже руководство.

– И тоже по сучкорезу? – спросил Пол.

– Не, это уже по машине для замеса стружечной массы, – Ян что-то прикидывал про себя. – Вот чего. Давайте все ищите руководства, и кладем их в сторону. А дальше разберемся.

Через полчаса практически все руководства оказались сложены на одном столе, другой стол занимали теперь тощие брошюры с методичками для предметников. По счастью, у методичек оказались почти одинаковые обложки, поэтому извлечь их из общей кучи большого труда не составило.

– Во, уже лучше, – заметил Ян, когда куча после первого прохода уменьшилась почти в половину. – Ребят, притащите тряпки и воду, – попросил он. – Надо протереть как-то, пыльное всё такое...

Через час картина получилась следующая. Копейка и Петров добросовестно возили тряпками по стеллажам, делая их из пыльных грязными (идти стирать почерневшие тряпки их не смогла бы заставить, наверное, никакая сила на этом свете), а братья Фламма разбирали в это время остатки кучи, складывая книги стопками. Ян открыл какую-то книгу, мельком глянул на титульный лист – глаза его на секунду расширились от удивления. Он быстро показал книгу Полу, и сунул книгу себе под пояс штанов. Через пару минут уже Пол показал какую-то книгу брату – и книга переключалась к нему за пазуху. Ни Копейкин, ни Петров этого не видели, потому что к этому моменту они возюкали грязь в следующем ряду стеллажей.

– Мы всё, – сказал Пол, когда последняя стопка книг оказалась на столе. – Раскладываем?

– Мы тоже всё, – откликнулся Петров. – Давайте, а то надоело, сил нет.

– Сейчас, только в тубзик сгоняю, – Ян глазами указал на ворот рубашки Пола, тот в мгновение вытащил книгу, Ян спрятал ее к первой, и неспешным шагом отправился к выходу. – Блин, все руки чёрные от этих книг, – пожаловался он уже из коридора. – Ну и пыль.

* * *

Фрол Савельич, против ожиданий, работу принял – все думали, что снова будет орать, но он почему-то не орал, наоборот, обрадовался. Прошел между стеллажами, взглядываясь в надписи на корешках, потом сказал:

– Кто придумал так расставить?

– Ян придумал, – ответил Копейкин. – А что, плохо?

– Наоборот, правильно. Книги с красными штампами где? – он обернулся к Яну.

– Вон там, наверху, – Ян указал на верхнюю полку дальнего стеллажа.

– Не читали? – строго спросил Фрол Савельич.

– Не-а, – помотал головой Петров.

– Хорошо. Сжечь, – распорядился Фрол Савельич. – Возьмите мешок, снесите Лаврентичу, пусть спалит в бочке. Сегодня же. А вы молодцы, скажите Зое, чтобы выдала вам по печеню сегодня, – он благожелательно улыбнулся. – Задание сложное, но ведь справились. Можете, когда хотите.

Копейкин, Петров, и оба брата стояли сейчас перед ним по стойке «смирно», и улыбнуться похвале не рискнули. Фрол Савельич с полминуты благостно шурился, любуясь стеллажами, кивнул, и направился к выходу.

– Уф... – Копейкин шумно выдохнул, когда дверь библиотеки закрылась. – Пронесло, кажись.

– Ага, – кивнул Пол. – И на обед успеем.

Магическое слово «обед» произвело на Копейкина обычное впечатление – он неторопливо двинулся к выходу, вслед за ушедшим замдиректором.

– А жечь кто будет? – остановил его Петров. Ему тоже явно хотелось есть, но распоряжение Фрола Савельича все-таки надо было выполнить.

– Мы сожжем, – вдруг сказал Ян. – Идите, ешьте, только попросите баб Зину, чтобы нам оставила.

– Ладно, – кивнул Копейкин. – Обед это хорошо. Перловочка, супчик...

Когда Петров и Копейкин ушли, Ян подбежал к двери, запер её, и, к большому удивлению брата, стал стаскивать на пол только что расставленные книги.

– Ты чего? – недоуменно спросил Пол.

– Иди за мешком, – приказал Ян. – Давай, давай, тащи скорее! Или даже два мешка тащи, у него там полно, которые для листьев. Пол, быстро, некогда объяснять!

– Чего ты придумал? – нахмурился Пол.

– Потом скажу, быстро давай! – шепотом рявкнул Ян.

– Но мешок...

– Мы вернем потом мешок. Иди!!!

... Часть бесчисленных «руководств» удалось расставить пошире, потому что другая их часть заполнила примерно до половины первый из принесенных Полом мешков. Во второй мешок Ян с лихорадочной поспешностью запихивал сейчас книги с дальней полки – этот мешок получился поменьше, книг туда попало около двух десятков, не больше, но именно этот мешок Ян прижал к себе.

– Так, – начал он шепотом. – Бери это барахло, и тащи к Лаврентьичу, чтобы сжег. И побудь с ним, пока он жечь будет, чтобы если кто спросит, сказал – да, пришел Фламма, да сожгли книжки какие-то.

– Ага, – стало доходить до Пола. – А ты?

– А я на аэродром, спрячу эти, – Ян похлопал по второму мешку.

– Ян, они же все того, запрещенные, на них печати красные, – с ужасом в голосе произнес Пол. – Это же нельзя...

– Там есть этот самый Джек Лондон, про которого Амрит писал, – ответил Ян на пределе слышимости. – Надоело быть дебилом, мы должны это прочитать. Должны, слышишь! Всё, давай, через час встретимся в столовой.

– А ты успеешь? – с сомнением спросил Пол.

– Я бегом, – ответил Ян. – Выходи первый, понял? Мне еще надо будет из туалета забрать те, которые я спрятал.

– А если про тебя спросят? – с сомнением произнес Пол.

– Скажи что я... ну, измазался, пошел умыться, – поморщился Ян. – Придумай что-то. Всё, иди, иди, я через пять минут.

* * *

– Ты видишь то же самое, что и я? – спросила Берта.

– Угу, – откликнулся Ит. – Кажется, проблема чтения решилась сама собой. Но... это странно.

– Что именно? – нахмурилась Берта.

Они сидели в кабинете Ита, и наблюдали исподтишка, как Ян крадется через кусты, прижимая к груди объемистый сверток.

– Братья воруют литературу из библиотеки, в которой делали уборку, – Ит задумался. – Почему? Раньше они никогда не воровали книги. Им это было незачем.

– Проследишь, куда он? – спросила Берта.

– Нет смысла, если надо будет, найду, – Ит нахмурился. – Это-то как раз несложно. Но для чего им это понадобилось?

– Может, решили продать? Майки же они продали, – предположила Берта.

– Ты в Морозново много знаешь покупателей на такой товар? – Ит кивнул в сторону окна. – Я вот нет. Одно дело – любая одежда, которую тут с руками оторвут, другое – старые книжки, которые только на растопку и годны. Нет, тут что-то другое, Бертик. Что-то тут не просто так.

– Ну, если это любовные романы, или что-то про актеров, да еще и с фото, бабы тоже с руками оторвут, – возразила Берта. – Ещё как оторвут. Может, это биография Козельского? Или Батракова? Мария Львовна за такое бы удавилась.

– Биографии Козельского и Батракова, иллюстрированные, с фото в разные годы, и в нашей библиотеке? – Ит засмеялся. – Ты сама-то в это веришь?

– В это не верю, а вот биография матери Грибановой там есть, – напомнила Берта.

– Ну, ты сравнила, – Ит хмыкнул. – Мать Грибановой жива-здоровая, и по сей день борется с вредоносным влиянием Сферы. Она не виновата, что у ее дочери выросли сиськи, на которые капает слюной половина мужского населения страны. Мега-гипер-супер-пупер сиськи, – Ит усмехнулся. – А поскольку она дочь яркой патриотки борьбы со Сферой, ей везде дали зеленый свет, ну и вот. Два десятка фильмов, хроники всякие, съезды, партия, и всё такое. Дура, да. Но зато красивая, и с сись...

– Хватит, – рассердилась Берта. – Про это ты уже трижды сказал.

– Дважды, ты не дала сказать в третий раз, – заметил Ит.

– Ит, ну всё, ну перестань, – попросила Берта. – Можно серьезнее? Ян почему-то украл книги. Книгами они раньше мало интересовались, ты сам про это в курсе. И – вот так. Странно?

– Если серьезно, то да, действительно странно, – согласился Ит. – Но... знаешь, давай не будем торопить события. Скорее всего, они что-то нашли при разборке библиотеки, и решили продать. Я прослежу, потусуюсь на рынке в базарный день, и выясню, появлялись они там, или нет. И если да, узнаю, что именно продавали или меняли. Бертик, знаешь, если честно... – он замялся. – Я не хочу их трогать лишний раз. Тут и так полно тех, кто трогает. Пусть у них будет хоть какая-то степень свободы. Ну хоть немного. Ну невозможно же так.

Берта согласно кивнула. Встала из-за стола, подошла к мужу, до сих пор стоявшему у окна, обняла – Ит обнял её в ответ.

– Терра-ноль, – шепнула Берта. – Терра-ноль, и поднадзорная палата. Как же я тебя сейчас понимаю...

– Вот в том и дело, – согласился Ит. Погладил жену по голове, та усмехнулась. – Именно что поднадзорная палата.

– И гению не скажем, – продолжила Берта. – Вот возьмем, и ничего ему не скажем.

– Не скажем, – подтвердил Ит. – Пусть лучше помучается, и придумает, как подсунуть им что почитать. Так даже интереснее.

– Ставим эксперимент над экспериментатором? – хихикнула Берта. – Прекрасная мысль. Попробуем. Почему бы, собственно, и нет?

– Потому что да, – подытожил Ит.

* * *

Лезть на вышку с мешком было чертовски неудобно, но Ян всё-таки залез, причем пару раз он едва не сорвался, мешок сильно мешал. Очутившись на месте, Ян первым делом вытряхнул книги на пол, сел по-турецки рядом с ними, и принялся перебирать, а потом разложил на стопочки – по авторам. Помянутого Амритом Джека Лондона нашлось три тома, а еще было несколько книг Жюль Верна, одинокий томик неведомого Сетона-Томпсона, который Пол схватил, видимо, из-за нарисованной на обложке пушистой лисы, остальные же книги принадлежали перу каких-то братьев Стругацких, и то обстоятельство, что книги эти писали братья, почему-то грело сейчас Яну душу. Может, они тоже, как мы? думалось ему. Мы с Полом

как-то дополняем друг друга, может, они так же? Интересно будет узнать... Впервые в жизни ему действительно стало интересно – вот такое, и он улыбнулся какой-то своей мысли, совершенно, надо сказать, новой мысли, непривычной, тайной. Я хочу знать, думал он, а еще я хочу найти то место про метеор и планету, найти то, что писал Амрит, и прочесть полностью, чтобы понять то же, что сумел понять он. Кстати...

Ян встал, огляделся. Приметил относительно целый шкаф, с трудом открыл (дверцу отчаянно заедало, но это было к лучшему), и спрятал книги на самую верхнюю полку, в самый дальний угол. Потом вытащил из другого тайника бумагу, и принялся торопливо писать – время поджимало, Пол там сидит, небось, и ждёт его, а он тут возится. Письмо получилось поэтому короткое, но это ничего, неважно. Ян поспешно сложил самолетик, сунул за пазуху, и полез вниз. Почему-то кидать с башни было нельзя, только с поля – самолетики, брошенные с башни, до Сферы не долетали. Вышел на поле, разбежался, и кинул самолетик, который привычно пошел ввысь, всё ввысь – Ян в этот раз не стал наблюдать за его полётом, было некогда. Он удовлетворенно кивнул, и бегом рванул обратно – в детдом, в столовую, к ожидающему его Полу.

Глава 7

Амрит. Восьмой радиус

Вырваться удалось лишь через несколько дней – все эти дни Джессика провела дома, а при ней угнать яхту не представлялось возможным. Ами исправно ходил на занятия, украдкой перечитывал самолетики, и про себя сокрушался, что никак не получается выбраться за новыми. Их там, небось, уже с десяток накопилось, братья не так стеснены обстоятельствами, как он, они пишут, а он тут... эх, что же делать?

Решение, впрочем, нашлось само собой – Джессике вызвали в командировку, и она отбыла на вершину третьего радиуса в обществе помощницы, причем на целых шесть суток времени Сферы. Восемь дней по времени Планеты. Ами в душе возликовал, когда понял, что они улетают, но, услышав про отбытие опекунши уже от самой Джессики, сделал минорное лицо, и попросил возвращаться побыстрее, потому что будет скучать. Карина, конечно, мгновенно его раскусила, и даже подмигнула, когда пропускала свою начальницу на выходе из квартиры, но Амриту было не до её подмигиваний. Он тут же, как только они вышли, сел за визуал, и стал смотреть отбытия, поджидая, когда её корабль, на этот раз большая яхта «Ветер», уйдёт в пространство от радиуса. Скорее бы! «Ветер» ушёл через час, и Ами, не в силах больше терпеть, рванул к причалам.

* * *

Самолетиков в той точке пространства, где они появлялись, отыскалось больше десятка, и Ами потратил почти два часа, чтобы отловить их все. Читать решил прямо на яхте, торопиться в этот день ему было некуда. К сожалению, восстановить хронологию, в которой они были отправлены, не представлялось возможным, но Ами выделил из общего количества три самолётика, в которых братья писали... о книгах. Первым, по всей видимости, должно было идти короткое, совсем короткое письмо Яна, в котором он спросил про Джека Лондона. Книги, которые Ян упомянул, были Амриту незнакомы, мало того, даже в сети про них ничего не оказалось – ни про «Маленькую хозяйку большого дома», ни про «Зов предков». Хорошо, это я потом поищу, думал Ами, это, скорее всего, запрещенка. Где можно разжиться запрещенкой, он знал. Много там можно было найти, отнюдь не только книги. В другом «книжном» письме Пол спрашивал, читал ли Амрит «Таинственный остров», который написал Жюль Верн, и Ами ответил, что да, читал, причем еще подростком, в двенадцать лет. Много тогда не понял, но книга показалась ему очень увлекательной, особенно поразил воображение инженер Смит, который умел и знал практически всё, а в конце книги ему был жалко обезьяну Юпа. «Да, это книга для подростков. Но если ты не читал, прочти обязательно, – написал он. – Хорошая книга. Про мужественных и сильных людей. У нас она разрешена, и мне она понравилась. Я бы хотел побывать на таком острове, наверное, там здорово». Написал, и подумал, что книжку надо бы перечитать, пожалуй. Не переслушать, не пересмотреть, а именно перечитать, слушая внутренние голоса, а не голос системы, пусть и самый распрекрасный, или голоса актёров.

В последнем «книжном» самолетике Ян написал, что они раздобыли целых двадцать шесть книг, и, если Амрит не против, будут его об этих книгах спрашивать. Потому что непонятного много. Спрашивайте, конечно, если смогу, попытаюсь ответить, написал Ами, а потом добавил – но там могут быть вещи, которых я не знаю, потому что книги очень старые, хоть и адаптированы для нашей формы языка. Сейчас он писал на старо-русском, и понимал, что даже со старо-русским у него проблемы – братья порой использовали сленговые слова, которых он не знал. Слова приходилось уточнять.

Опомнился Ами только после того, как система ожила, и сказала, что прошло уже четыре часа с момента вылета, а максимально допустимое разрешенное время – шесть часов, и не желает ли мэсе Пейли вернуться домой? Мэсе Пейли желала, причем не торопясь, и кораблик на автопилоте пошел обратно. Ами сидел в кресле, и думал. Обо всём подряд. В том числе и о том, что ему в ближайшее время понадобится Сей, чтобы достать запрещенку, а это значит, что придется все-таки сгонять с ним на восьмой радиус, посмотреть на эти самые капсулы. Впрочем, наверное, это тоже интересно. Может быть, Сей и впрямь знает что-то такое, что ему, Ами, может понравиться. Или хотя бы навести на какие-то новые мысли.

* * *

Учеба подходила к концу, сдавать приходилось многое, поэтому Ами и Сей ждали, когда появится свободное время, целых четверо суток. Ами видел, что Сей нервничает, и недоумевал – с чего бы? Никуда восьмой радиус не денется, к чему такая спешка? Причина, впрочем, была тривиальная: после окончания учёбы Сей с семьей, оказывается, должен был отправиться на шестидесятый радиус, в гости к родственникам, и, вполне возможно, семья решит там задержаться – потому что радиус был курортный, а мама Сейя желала получше отдохнуть. Оно и понятно, учёба старшего сына – это же такой стресс, после него непременно нужно восстановить силы. Сей, конечно, над ней потихоньку посмеивался, потому что мамины причитания были исключительным образом для того, чтобы разжалобить отца, и заставить его раскошиться на отдых, учился же Сей хорошо, и никаких нервов его мать на учёбу сына не тратила.

– Давай завтра, – сказал Сей после занятий, и после очередной сданной темы, на этот раз уже предпоследней. – У тебя тоже только последний общий зачет остался?

– Чего? – рассеянно переспросил Ами. – А, ну да. Только лояльность, как и у тебя. Ну, давай, только надо домой будет зайти, переодеться.

– Да, переодеться надо, – Сей посерьезнел. – Надень спортик. С защитой.

– Зачем? – удивился Ами.

– Надо, – туманно ответил Сей. – Увидишь.

– А всё-таки? – Ами нахмурился.

– Говорят тебе – надень, значит – надень, – Сей рассердился. – Надо. Понятно? На-до. Тебе еще раз повторить?

– Ну ладно, ладно, – сдался Ами. – Хорошо, надену. Тайны эти твои...

– Они не мои, – Сей понизил голос. – Это тайны, да. Но не мои. В общем, завтра. Всё, я домой.

...Следующие сутки Ами ощущал всё возрастающую тревогу – почему-то слова Сейя о тайнах сильно задели его, не давали покоя. Сей во время их разговора выглядел непривычно серьезным, он словно и на себя самого перестал быть похожим – обычно веселый, шутливое настроение он разом утратил, и говорил с Ами в совершенно несвойственной манере. Сей был по происхождению китайцем, знал его Ами с детства, с того момента, когда семья Сейя переехала на этот радиус семь лет назад, и Сей был зачислен в их учебную группу. Непростую, надо сказать, группу, для одаренных детей; группу, выпускников которой ждало большое будущее. И все эти годы Сей был шутник и приколист, но теперь...

– Ладно, – сказал сам себе Ами за ужином. – Рано делать выводы. Посмотрим, что будет завтра.

Система дома, конечно, не могла не отреагировать – порой она бывала туповата, и отвечала на не обращенные к ней запросы.

– Амрит, вы говорите про завтрашний экзамен? – спросила система. – Ваши знания блестящи, всё будет хорошо.

– Да, спасибо, – вовремя опомнился Амрит. – Дом, подготовь мне на завтра спортик, – приказал он. – И малый меднабор.

– Завтрашний экзамен не спортивный, – возразил дом.

– Мне не для экзамена, а для прогулки, – рассердился Ами. Надо будет не забыть затереть память ещё и дому. Совсем не факт, что Джессика и Карина станут проверять, но рисковать лишний раз Амриту не хотелось.

* * *

Конечно, Сей попросил дать ему поуправлять яхтой, и, конечно, Ами на это не согласился. Корабль для Сейя незнакомый, мало ли что? По дороге заказали пару коктейлей, и Сей, кажется, впечатлился настолько, что позабыл о цели их полёта – потому что полдороги они обсуждали незнакомые вкусы, и гадали, как выглядят фрукты, из которых приготовлены составляющие.

– Что там с причалом? – спохватился Ами, когда они вышли, наконец, к восьмому радиусу.

– Нормально, я даже наше корыто ставил, – махнул рукой Сей. – Забавно, да?

– Что именно? – не понял Амрит.

– Корыто, – пояснил Сей. – Посмотри в сети, что это такое.

– А то я не знаю. Емкость для жидкости, в нем еще вещи стирают, – ответил Ами, и тут же прикусил язык – потому что про корыто он узнал от братьев, и этой информацией делиться с Сейем было, разумеется, нельзя.

– Откуда знаешь? – удивился Сей.

– Читал, а что? В старых книгах это понятие много где встречается, – пояснил Ами. – Ладно, чего мы как две зануды? Ну, корыто и корыто, и чего?

– Да ничего, – вздохнул Сей. – Иди над руслом, и спускайся до тысяча сто двадцать шестой отметки. Нужный шлюз по левой грани. Совсем рядом.

– Ясно, – Ами кивнул.

– Ты только поосторожнее, – предупредил Сей. – Там... слегка разрушено.

На проверку выяснилось, что разрушено было не слегка, а весьма основательно, и Амрит десять минут убил, чтобы корректно состыковать корабль с приемником – тот барахлил, никак не подходил к шлюзу под нужным углом. Но, к счастью, через некоторое время усилия Ами увенчались успехом – шлюз соединился с приемником, и встал на присоску если не идеально, то почти идеально.

– Скафандры надо? – спросил Амрит, когда система доложила о стыковке. – Или там завоздушено?

– Завоздушено, но я бы пару маленьких баллонов взял, – Сей на секунду задумался. – Карманных. Так, на всякий случай. И воздух там стоялый, потому что регенерация работает на низкой мощности. Но жить можно, увидишь.

– Ладно, – с некоторым сомнением ответил Амрит. – Ну что, пошли?

– Пошли, – кивнул Сей.

* * *

Сразу после шлюзовой камеры начинался коридор, и от того, как выглядел этот коридор, Амриту стало не по себе. На всех радиусах, которые он посещал до этого, коридоры были адаптированы под людей максимально, в некоторых даже делалась имитация неба, или имитация городских улиц – таких, правда, было не так уж много, но ни один коридор, до того виденный, не выглядел, как тот, в котором они стояли сейчас.

Здесь сразу становилось понятно, что есть такое на самом деле Сфера, а была Сфера Тэус невероятных размеров техническим, прежде всего техническим устройством, для людей приспособленным лишь местами. Потому что устройство это кто-то должен был обслуживать, кто-то должен был здесь работать, управлять машинами, и делать... делать то, что должен делать человек. Жить. Наверное. Или, точнее, присутствовать.

Коридор оказался широк, не так широк, как жилые, но метров тридцать в нём, наверное, было, может, чуть меньше. Потолок тоже находился высоко, метрах в десяти над головами, вот только выглядел он непривычно и странно – сплошные выступы, какие-то лючки, переплетение труб, воздухопроводов, тут и там виднелись датчики, овальные выемки энергопоглотителей (такие в Сфере были вообще везде), и какие-то странные навесные конструкции, назначение которых Ами не знал. Стены и пол самого коридора были сделаны частично из железа, а частично из синта, но явно очень старого – когда они ступили на пол, он оказался твердым, не спружинил привычно, нет, синт явно уже давно потерял упругость.

– Можешь стереть с лица идиотскую ухмылку, – посоветовал Сей. – Здесь не следят.

– Вообще? – не поверил Ами.

– Ага, вообще, – подтвердил Сей. – Нет, правда. Я проверял. Здесь все глаза кто-то выжег, вон, гляди. Видишь, расплавленное пятно такое, на стене? И линии эти, тоже горелые? Это гнездо глаз. Было. Круто?

– Да, – зачарованно ответил Ами. – Ну, дела.

– А то, – с видом знатока усмехнулся Сей, но тут же посерьезнел. – Идём. Это так, мелочи. Дальше будет действительно... круто.

Шли они минут пятнадцать, и всё это время коридор оставался совершенно прямым, и без малейших признаков ответвлений. Странно, думалось Ами, а как они тут тогда в соседние попадали? И вообще, для чего такой длинный коридор кто-то построил, просто чтобы ходить? Глупо. Почему тут ничего нет?

– Это технический коридор, раньше тут склад какой-то был, – пояснил Сей. – Ну, мне так сказали. По нему мало ходили. Сгружали что-то с кораблей, снаружи, а потом это что-то двигалось к выходу, туда, куда мы сейчас придём. А на пустое место грузилось новое.

– Но что именно? – нахмурился Ами.

– Понятия не имею, – ответил Сей. – Что-то. Неизвестно. И узнать не у кого.

Через некоторое время появилась впереди идущих стена, и Сей сказал, что они почти пришли.

– А дальше там что? – спросил Ами.

– Увидишь. Сейчас всё увидишь, – пообещал Сей, и в голосе его теперь даже тени веселости не было. – Только ты это... не бойся, и будь осторожен. Иди за мной, понял?

– Почему?

– Потому что там разрушено. Но пройти можно.

– Сильно разрушено? – Ами удивился. До этого он ничего разрушенного в жизни не видел.

– Ну... так, – Сей дернул плечом. – Местами.

Когда они открыли дверь и вошли в следующее помещение, Ами остановился, и, пораженный, замер на месте, не в силах сделать следующий шаг. Сей, который шел первым, не стал его торопить, просто встал рядом, ждал, когда друг придет в себя.

Коридор выходил через шлюз в зал изрядных размеров, но от того, как выглядел этот зал, у любого встали бы дыбом волосы. Зал был изуродован и разворочен, пол его в некоторых местах словно бы кто-то вывернул снизу, с потолка свисали обрывки коммуникаций, а на стенах зияли огромные прорехи, в которых были видны те же коммуникации, и обгорелые пятна.

– Что здесь случилось? – севшим голосом спросил Ами. – Авария?

– Ага, авария. Конечно, – хмыкнул Сей. – Нет, Амрит, тут случилась не авария. Тут случилась война.

– Война? – тупо повторил Ами. – Война, на Сфере?

– Ну да, – Сей пожал плечами. – А тебя что-то удивляет? Да, война. Да, на Сфере. Не знал?

– Но об этом ничего нет... нигде... ни в сети, ни в визио, – потеранным голосом произнес Ами. – И... Сей, этот радиус, он даже не закрыт, мы же сюда спокойно попали, так?

– Ага, – Сей повернулся к нему. – Так и есть.

– И... погоди, – Ами поморщился, сжал руками виски. – Но... как же...

– Ты думаешь, что другие люди про это не знают, и никто этого не видел? – Сей вздохнул. – Видели. Много кто видел. И все считают, что сюда попал метеорит. Вот твоя опекунша, например, именно так и считает. Но ты скажи, только честно, это, – он обвел зал взглядом, – похоже на метеорит? И где тогда сам метеорит?

– Нет, – Ами покачал головой. – На метеорит это не похоже. Это... я даже не знаю, на что это похоже.

– Здесь был бой, – пояснил Сей. – Последний бой, скорее всего. Тут что-то взорвалось, и не один раз. А потом... ну что, ты готов идти дальше?

– Да, наверное, – кивнул Ами. – Идём. Там дальше еще что-то?

– Угу, – кивнул Сей. – Хорошо, что ты поверил.

– В то, что ты сказал?

– Верно, в сказанное. Потому что ты не первый, кого я сюда привожу, – Сей коротко улыбнулся Амриту. – Но, кажется, ты будешь одним из первых, кто способен понять то, что видит и слышит, правильно.

* * *

Через зал они пробирались минут десять, не меньше – приходилось обходить большие участки искореженного пола, и продвигались они по залу осторожно и медленно. Первым шел, разумеется, Сей, Ами шел следом, и постоянно озирался – то, что он видел, с каждой секундой нравилось ему меньше и меньше.

– Сей, а что это за пятна? – вдруг сообразил он. Они шли вдоль стены, мимо разрушенного участка пола, и по всей стене где-то на высоте груди были эти бурые, засохшие, и частично осыпавшиеся пятна и множество вмятин.

– Кровь, – буднично ответил Сей. – Тоже, наверное, с того метеорита. Откуда тут ей ещё появиться?

– Кровь? – Амрит замедлил шаг. – Тут что...

– Кого-то тут убивали, – так же невозмутимо пояснил Сей. – Война. Ты же знаешь, что это такое. Во время войн всегда кого-то убивают, обычное дело.

– Ничего себе, – только и сумел ответить Ами. Он и до этого, чувствуя что-то неладное, старался не прикасаться к стене, а теперь и вовсе стал бояться случайно дотронуться до неё. – Ну и ну.

– Да не переживай, это же давно было, – пояснил Сей. – Больше ста лет назад точно. Тут же консервация, вот она и сохранилась. Но высохла давно, это не опасно.

Про опасность Ами в этот момент вообще не думал, а теперь – задумался. Надо будет протереть руки, как только появится возможность. Потому что мало ли что тут было, а он это всё трогал. Так нельзя. Он не хотел, чтобы на его руки попала кровь, пусть даже очень старая и сухая.

– А кого еще ты сюда приводил? – спросил Ами. Спросил, просто чтобы спросить.

– Барри приводил, Джима, Моисея, и Кима. Много кого. Ну и тебя.

– А они что?

– Они почти все дураки, – раздраженно ответил Сей. – Они уговаривали меня поискать метеориты. Решили, что их было несколько, дырок же в полу много, – Сей скривился, как от кислого. – Отсутствие дырок в потолке их не смутило, Моисей только сказал, что потолок, видимо, починили, поэтому он целый. Я им даже объяснять ничего не стал. И дальше не повёл. Так, по залу пошатались, и обратно. Но ты...

– Я понял, не продолжай, – попросил Ами. – Я тебе поверил. Знаешь, – он чуть понизил голос. – Я еще в коридоре что-то такое почувствовал.

– Что именно? – спросил Сей, останавливаясь.

– Недоброе что-то, – попытался объяснить Ами. – Словно в визию, когда ужасы смотришь, или... нет, не то, – поправил он сам себя. – Там нереально всё. А тут реально. Здесь страшно.

– Да, – очень серьезно ответил Сей. – Здесь действительно страшно. И сейчас будет хуже.

– Ещё хуже? – изумился Ами.

– Увидишь.

* * *

То, что они попали в спасательный отсек, Ами понял сразу, но через мгновение он сообразил, что с отсеком явно что-то не так. Он снова остановился, и принялся оглядываться, Сей стоял рядом, и не мешал – но пока что и не говорил ничего.

– Что это такое? – спросил Ами через минуту, указывая в дальний угол зала.

– А, это? Это клетка. В которой их держали. Хочешь посмотреть? – как ни в чем ни бывало произнес Сей.

– Давай, – хриплым от волнения голосом сказал Ами. Вместе они отошли от входа, и направились к странному сооружению. Еще через полминуты Ами остановился, и, указав в сторону стены, тихо сказал:

– Здесь же были капсулы, да? Спасательные капсулы. Верно?

– Угу, – покивал Сей. – Были. Понимаешь, да?

– Что понимаю?

– Да просто всё. В зале был бой. Потом тех, кто выжил в этом бою, разоружили, скорее всего, раздели, и кинули в эту клетку. А потом... по одному – в капсулы. И того. На Солнце.

– Да с чего ты взял, что на Солнце? – не выдержал Ами.

– Сейчас поймешь, – пообещал Сей.

...Клетка, рядом с которой они стояли, представляла собой странное сооружение – потому что она была вовсе не такой, какой обычно люди представляют себе клетки. У тех, кто спешно варил эту конструкцию, не было ни железных прутьев, ни перемычек, поэтому клетка оказалась сварена из того, что неведомые рабочие нашли в отсеке и в зале, причем после боя. Обломки труб, листы синта, толстые, погнутые, стальные полосы, детали каких-то механизмов – в дело шло всё. Клетка находилась в углу, поэтому сварены были только две стены, да потолок. В узкой части Ами заметил нечто, напоминающее дверь, и указал на неё Сейю.

– Пошли, – кивнул тот. – Это... надо увидеть.

Больше всего в этот момент Ами боялся, что в клетке, на полу, будут лежать останки узников, но никаких останков, разумеется, не было, да быть не могло. Зато на стенах имелось кое-что другое. И от этого другого у Ами вскоре мороз пробежал по коже.

– Видишь, они писали. Прощались, – глухо произнес Сей.

– Чем писали? – не понял Ами.

– Кровью, чем еще они могли писать? – Сей вздохнул. – Пойдем, почитаем.

«Мы не сдаемся. Клавдия». «Нас не победить! Прощайте! Борислав». «Я жила не зря, долой узурпаторов! Ирика». «Vive la resistance! Loteur». «Nie możesz odebrać swojej wolności!»

Wojtek» «Stop injustice! John». Надписей были сотни, какие-то выше, какие-то ниже, одни сохранились хорошо, другие осыпались почти полностью, третьи оказались смазанными. Случайно глянув под ноги, Ами испуганно вздрогнул – потому что едва не наступил на кровавый отпечаток ступни. Маленький, почти что детского размера. Девушка? Вот тут, в этой уродливой клетке, сидела босая девушка, и это след её ножики...

– Ну как тебе? – спросил Сей, словно ужасная эта клетка была его личной заслугой. – Нормально, да?

– Ужасно, – сдавленно произнес Ами. – Тут... убивали людей... и правда... А языки? Тут и старо-русский, и старо-французский, и старо-польский...

– Ага. А еще есть китайский, японский, английский, сербский, немецкий, хинди, и еще черти сколько языков, я не считал, – покивал Сей. – Думаю, сюда люди попадали не только после боя, который был в зале. Капсул нет ни единой, это ты сам видел. А сколько их обычно бывает в таких местах, знаешь?

Амрит покачал головой.

– По полторы тысячи в кассете, они же по сотне в зал подаются, – пояснил Сей. – Соображаешь, что к чему? Это место казни.

Ами всё еще не понимал до конца, он сейчас всё никак не мог справиться с нахлынувшими на него чувствами, которые до этого момента он вообще никогда не испытывал. Что я чувствую, в отчаянии думал он, что происходит со мной? Смятение? Это, видимо, смятение? Ужас? Непонимание? Да что же это такое?..

Сей подошел к стене, и медленно, даже как-то ласково провел пальцем по одной из надписей.

– *Vivela resistance*, – прочел он. – Да здравствует сопротивление. Знаешь, откуда взялся этот лозунг? Это ведь лозунг, Ами. Лозунг французского сопротивления, которое существовало во время одной из великих войн больше четырехсот лет назад. Сейчас и его, и ту войну мало кто помнит. Да и сопротивляться мы разучились... сто пятьдесят лет назад и разучились. Или – нас отучили, – он вздохнул. – Но до чего же красивые слова, правда? Как музыка.

Ами стоял, неподвижно глядя на него, и ожидая продолжения.

– И не все эту музыку забыли, – на пределе слышимости произнес Сей. – Они думают, что все. Но они ошибаются.

– Кто такие – они? – почему-то шепотом спросил Ами.

– О, это отдельная история, – Сей вздохнул. Тяжело, по-взрослому. Ами и не знал, что вечно веселый Сей умеет так вздыхать. – Они это они, про это я тебе расскажу, но позже. Понимаешь... – он снова подошел к стене, на этот раз к другой надписи, и провел по ней пальцем. – Это старо-китайский. Знаешь, что здесь написано? «Мы становимся сильнее и сильнее». Это строчка из очень старой китайской песни, её пело тоже... сопротивление, в некотором смысле. Партизаны. Во время войны с Японией.

– Китай воевал с Японией? – удивился Ами.

– Ну да, вот только в учебниках про это ничего нет. Но это неважно, – Сей отвернулся от стены. – Важно то, что я тебе это всё показал, а ты увидел. И сумел мне поверить.

– Надо быть конченным дураком, чтобы не поверить, – покачал головой Ами. – Это же очевидно!

– Что именно? – спросил Сей с интересом.

– Что здесь убивали людей, которые... – Ами осекся. – Которые, видимо, с чем-то боролись. Но я не знаю, с чем.

– Зато я знаю, – Сей отвернулся. – И... Ами, я ведь очень сильно рискую сейчас, ты понимаешь? Если ты кому-то расскажешь, будет такое, что...

– Что я тебя больше не увижу, – осторожно произнес Ами. Сей засмеялся – в клетке этот смех прозвучал дико.

– Нет, не только, – ответил Сей. – Нас просто уничтожат. Не только меня. Нас. Обоих. Ясно?

Ами кивнул. Во рту у него сейчас стало сухо, очень сухо, он невольно сглотнул.

– Ясно, – ответил он. – А может, и не только нас, да?

– Молодец, – серьезно сказал Сей в ответ. – Так и есть. А теперь пойдем, нам лучше вернуться всё-таки в срок.

– Да, пошли, – кивнул Ами. Напоследок он еще раз подошел к стене, и взгляд его снова упал сперва на надпись «Я жила не зря, долой узурпаторов! Ирика», а затем на след маленькой ножки на полу. – Слушай, а ты случайно не знаешь, кто такая была эта Ирика? – спросил он.

– Нет, – покачал головой Сей. – Наверное, одна из них. Да какая разница? Она давно уже часть Солнца, чего теперь-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.